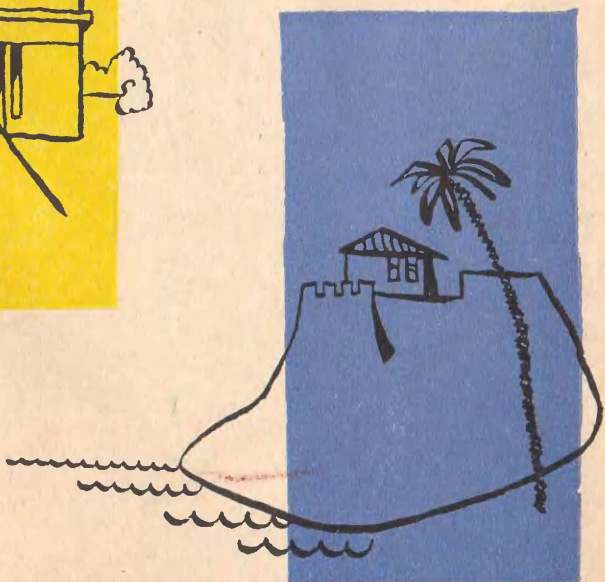
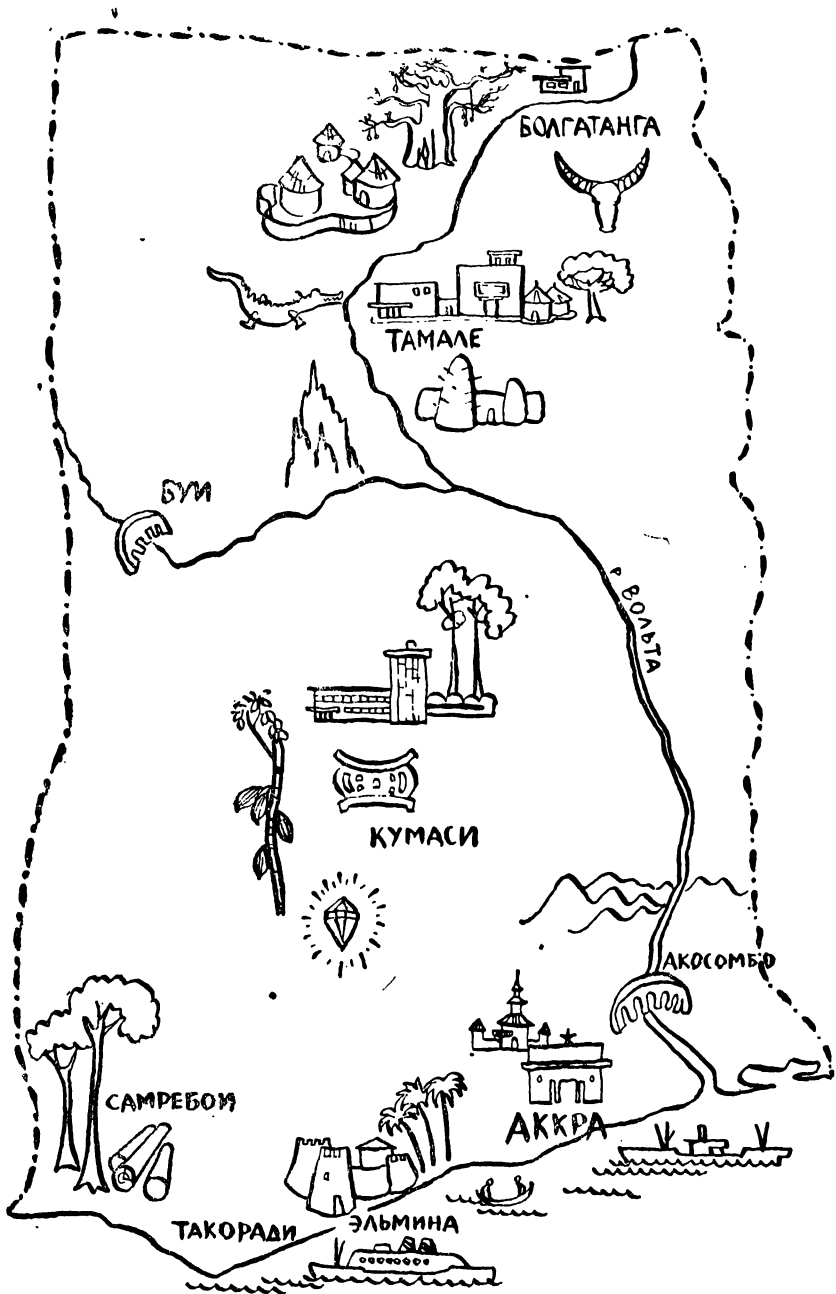

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

ЭТО-ГАНА

Игорь Можейко
χ

ЭТО—
ГАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1962

Ответственный редактор
А. Б. ДАВИДСОН

Оформление и фотографии автора

Это не повесть и не научное исследование. И даже не путевые дневники.

Это то, что запомнилось. Эпизоды из нашей жизни в Гане, в стране, про которую справочники пишут следующее.

Территория — 237,9 тыс. кв. км.

Население — 6691 тыс. (теперь уже больше). Основное население — народности ашанти, фанти, эве. Официальный язык — английский.

Столица — Аккра (338 тыс. жителей). Города: Кумаси, Такоради, Кейп-Кост, Тамале и др.

Независимость провозглашена 6 марта 1957 года. 1 июля 1960 года стала республикой.

Сельское хозяйство — важнейшая отрасль экономики, носит монокультурный характер, специализируется на производстве какао-бобов (основной урожай в 1959/60 г. 296 тыс. т). Около 40% населения в той или иной степени связано с производством какао. Производятся также кофе, каучук, цитрусовые, кукуруза, просо, рис, ямс. Развитию животноводства мешает распространение мухи цеце.

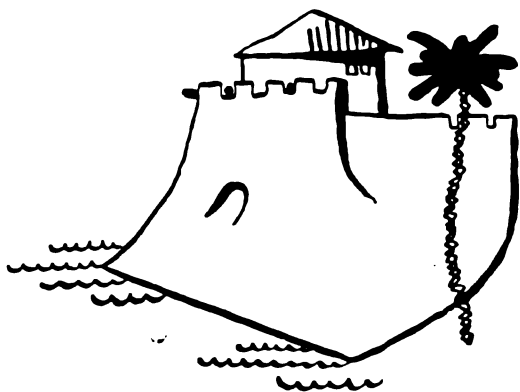
Рыбный промысел развит в прибрежных районах. На западе страны добываются ценные древесные породы (красное дерево).

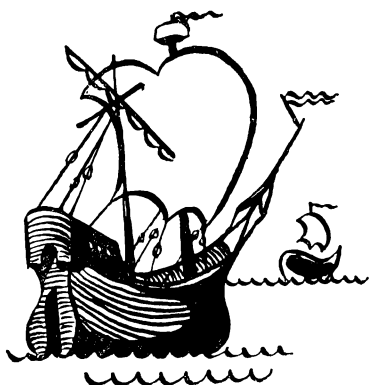
Промышленность. Главная отрасль — горнодобывающая. Открыты богатейшие залежи бокситов, месторождения золота, марганцевой руды, алмазов. Большая часть добычи золота и алмазов сконцентрирована в руках английских компаний. Тяжелой промышленности в стране нет.

Государственный строй — парламентская республика. Главой государства и главой правительства является президент.

Так говорят справочники. Мне хочется их дополнить. Для этого и написана книга.

ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Рассказы о дальних странах принято почему-то начинать с аэродрома, с долин, проплывающих под крылом самолета, с испепеляющей (или изнуряющей) жары...

Но, по-моему, интереснее начать с каравеллы.

Вернее, с целой эскадры. Десять каравелл и два тяжелых транспорта покинули Лиссабон, весной 1481 года и взяли курс на юг.

Птолемей учил, что на юге, в Африке, за пустыней Сахарой, стоит такая жара, что ничто живое там существовать не может. И Птоlemeю верили. Сотни лет никто не осмеливался отплыть далеко от привычных берегов Европы.

Но с тех пор как в начале XV века принц Генрих Мореплаватель избрал своей резиденцией замок Сагрэс, на южной оконечности Португалии, португальские корабли начали продвигаться к югу, к землям запретным и страшным.

Белая полоса прибоя казалась паром, поднимающимся с раскаленного песка. Однако капитаны были трезвыми людьми и отличались хорошим зрением. За

белой полосой зеленел лес. Или это были скалы? Капитаны приказывали спустить шлюпки.

Результаты были так удивительны, что один из капитанов, вернувшись из Сьерра-Леоне, не без издевки писал в донесении принцу: «Все это я пишу с изволения его величества Птолемея, возвещавшего очень хорошие вещи о делении земного шара, но весьма ошибавшегося в одном случае... Под экватором во множестве обитают черные племена, а деревья достигают невероятного роста оттого, что именно на юге развиваются сила и обилие растительности».

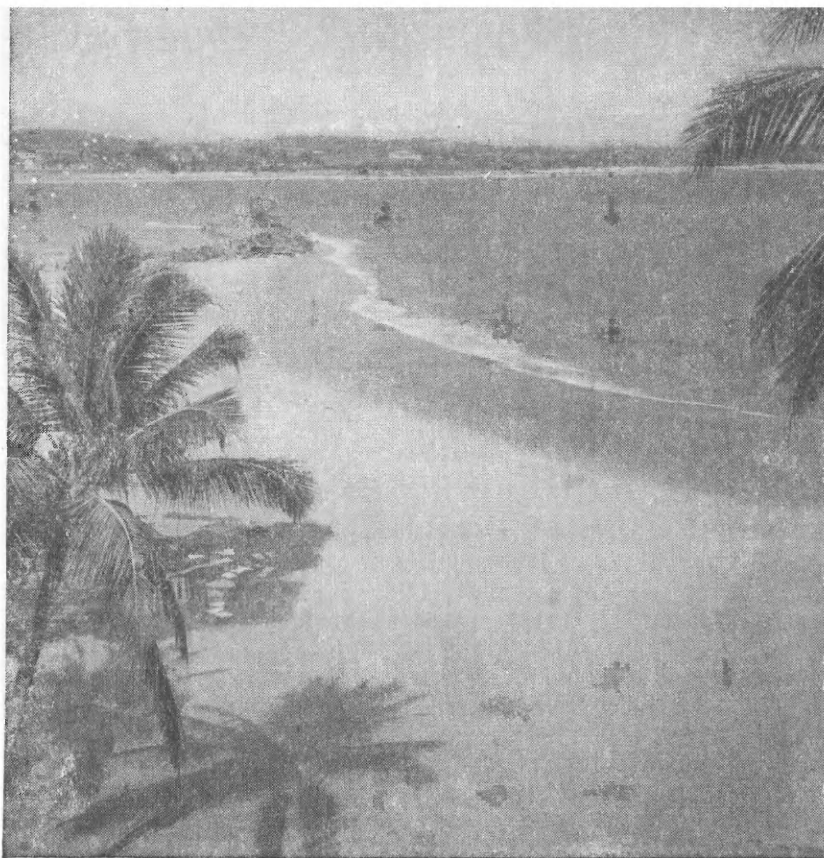
Капитаны смело низвергали авторитеты. Мир открывался перед ними, широкий и заманчивый, загадочней Атлантиды и чудеснее сказок об Эльдорадо.

Двенадцать кораблей, покинувших Лиссабон, медленно продвигались к югу, подолгу останавливаясь в глубоких бухтах Азорских островов и Африки. В трюмах транспортов, сохранявших еще запах человеческого пота — два десятка лет в них перевозили рабов, — лежал необычный груз. Транспорты везли каменные блоки, мраморные шортики и резные цилиндры колонн.

А через несколько недель эскадра отдала якоря в небольшом заливе, недалеко от экватора. Два холма возвышались над заливом. Один выдавался далеко в море, другой отступал от берега, поднимая на спине опутанные лианами стволы деревьев. Несколько хижин на берегу, пироги...

Адмирал дон Диего де Азамбуша приказал начать разгрузку, солдаты втащили две пушки на вершину холма и повернули их дулами к лесу. На всякий случай.

Так началась колонизация Африки. Еще никому в Европе не известно, где пределы этого материка, — только пять лет спустя Диаш обогнет мыс Доброй Надежды. Еще не открыта Америка. Колумб, который сделает это через десять лет, несет, возможно, вахту на одной из каравелл у берега Африки (есть сведения, что он принимал участие в экспедиции). А на сыром берегу, там, где теперь находится Западная область Республики Ганы, тяжело одетые порту-

**Побережье Гвинейского залива. Пятьсот лет
назад сюда пришли португальцы**

гальские солдаты втаскивают каменные блоки на поросший кустарником и колючей травой холм.

Здесь стоят крепости Его Высочества короля Португалии и называться ей Эльминой. Ничего, что местный вождь не соглашается на постройку чужих крепостей на его земле, пусть он требует, чтобы чужеземцы уезжали обратно, — крепость растет быстро, и вот уже капеллан освящает ее добротные, толстые стены.

Уже много лет, как во рву крепости Эльмины нет воды. Там растут кокосовые пальмы, и они достают головами до зубцов стен. Между зубцами, как и пять веков назад, торчат темные пальцы пушек. Стены недавно побелили, и Эльмина кажется построенной только вчера. У входа на подъемный мост, который давно уже не поднимается, стоит полицейский в сером свитере и красной феске. В крепости полицейские казармы.

Мы прошли по мосту и вступили под низкую арку. В полутьме за барьером, почти касаясь головой свода, стоит дежурный сержант. К своду приклеено большое объявление: «Сегодня в клубе спецвыпуск кинохроники — Пребывание в Гане Анастаса Микояна».

— Сейчас я дам вам сопровождающего, — говорит сержант, — он покажет крепость.

Сопровождающим оказался высокий, под два метра, полицейский в ослепительно начищенных ботинках. Он взглянул на нас оценивающе сверху вниз и первым ступил во двор крепости.

Прямоугольный двор залит солнцем, чист и пустынен. Черными глазками поблескивают маленькие окна... Но пустынность и тишина настораживают. Кажется, сейчас медью сверкнут каски и по широкой крутой лестнице во двор спустятся современники Колумба.

— Зал торговли, — говорит полицейский и отходит в сторону, пропуская нас в узкую дверь двухэтажного здания.

Здесь совершались сделки, здесь переходили из рук в руки рабы. Низкий потолок, грубые стулья, длинный стол в дальнем конце зала. Может быть, именно за этим столом...

— А теперь у нас здесь классная комната. Учимся, — продолжает полицейский.

Конечно же, стулья как стулья, вполне современные, новые. А на столе забыт словарь. Наваждение пропадает.

— А наверху у нас комната отдыха.

Это было так давно... Генрих Мореплаватель мог

Некоторые из крепостей сохранились

предположить все что угодно, только не классы ганских полицейских и комнату отдыха с групповыми фотографиями футбольной команды в гостиной губернатора на втором этаже.

Полицейский поворачивается, считая, что мы уже достаточно насмотрелись (эти комнаты для него такие привычные!), и идет дальше.

Рабов приводили в крепость небольшими партиями, осматривали и разводили по казематам, где они должны были дожидаться корабля. Вход в каземат внутри крепости, выход — узкая щель в стене, к кораблям. Процесс необратимый.

Нужно было быть совершенно уверенным в том, что раб не только не человек, но даже не скотина,

чтобы соорудить эти круги ада. Часто история проходит мимо нас чем-то нереальным, существующим только на страницах учебника. Но за именами и датами скрываются люди — и те, что штурмовали Рим, и те, что умирали в трюмах каравелл на пути в Вест-Индию. История зачастую предпочитает останавливать внимание на событиях ярких и исключительных. На открытии Америки или битве при Ватерлоо. И надо столкнуться со следами ее вплотную, лицом к лицу, чтобы ощутить ее реальность, ее современность, ее масштабы, чтобы понять, что «звездные часы человечества» подготовлялись долгими земными столетиями.

С башен Эльмины видны океан, пальмы на берегу, рыбацкий катер, белые улицы города, автобус, прикорнувший у базара. Внизу, на бастионах, тарашат жерла старые пушки. На пушках сушатся рубашки и тапочки полицейских — новых обитателей крепости. Дальше на берегу стоит еще одна крепость. Обернитесь — на втором холме тоже высится форт. Их много на побережье Ганы, десятки. Почти на каждом холме торчит белый кубик старого форта. И в каждом есть узкие щели, ведущие к океану, — сквозь них прогоняли к кораблям рабов. Сейчас в одних фортах школы, в других — больницы.

Португальцы, голландцы, датчане, шведы, англичане — все строили работоторговые крепости на Золотом Берегу. Даже герцогство Бранденбургское воздвигло там крепость Фридрихсбург, но пруссаки не выдержали конкуренции и промышляли не столько рабами, сколько продажей пресной воды проходившим мимо кораблям.

И пока англичане в середине прошлого века не выжили всех остальных, прибрежная полоса была ареной отчаянной драки конкурентов в самой постыдной на свете торговле. В схватку были втянуты вожди местных племен, и войны между ними были очень выгодны европейцам — каждая приносила новых рабов.

Вспомните — в США живет около двадцати миллионов негров. Значительная часть населения Брази-

лии и других стран Латинской Америки — негры. Ямайка, Гаити — негритянские страны. Воистину великое переселение народов меркнет по сравнению с масштабами работорговли.

Теперь легко говорить об отсталости Африки, если в течение четырехсот лет материк обескровливался с методичностью и интенсивностью, которых не знает история.

Крупнейшие порты Португалии, Англии, Голландии выросли на работорговле. В 1565 году к маленькому порту Ливерпуль было приписано 12 кораблей. А за десять лет, с 1783 по 1793 год, 878 ливерпульских кораблей перевезли более трехсот тысяч рабов. На одну Ямайку в XVIII веке вывезли из Африки свыше шестисот тысяч рабов. Страшно читать об эпидемиях чумы в средневековой Европе, об опустевших городах и трупах на дорогах. Африку опустошала такая чума в продолжение четырех столетий. Каждый

Пушки давно не стреляют...

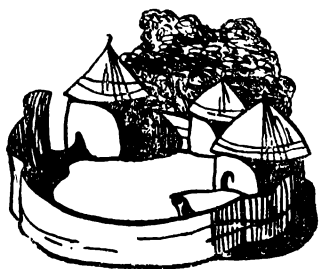

восьмой умирал в пути, каждый четвертый — в первый год жизни в неволе.

Интересно, по каким путям пошло бы развитие Черной Африки, не будь этой чумы?

Прошли времена работорговли, но хозяева крепостей не покинули Золотой Берег. Он богат золотом, алмазами и другими полезными ископаемыми. В его лесах растет красное дерево, обширны плантации какао...

И лишь пять с половиной лет назад Гана стала самостоятельным государством. За эти годы произошли такие изменения в стране, что не только времена работорговли, но и события десятилетней давности стали историей, правда, очень живой и незабытой. Когда говоришь о сегодняшней Гане, говоришь и о будущем, потому что оно неразрывно, так же как и история, связано с сегодняшним днём.

О ЗНАКОМОМ

Столица — сердце страны. Но чаще всего не лицо ее. Особенно это характерно для слаборазвитых стран Азии и Африки, где внешняя разница между большим городом и «глубинкой» достигает поистине космических размеров. Страна была колонией. И подобие европейской жизни создавалось в том центре, где находилась колониальная администрация. В Аккре, например, заметен тонкий слой английской цивилизации. Темные галстуки клерков, яичница с беконом на завтрак, швейцары в форме, консервы

для собак... Все это кое-как прикрывает действительную сущность африканского города.

Если вы поживете немного в Аккре или другой африканской столице, переспите несколько ночей в европеизированной гостинице, жизнь страны останется скрытой от вас. Если же покинешь большой город, поскитаешься по городкам и деревням, то, вернувшись, увидишь столицу другими глазами.

Главное — не верить путеводителям. Они не говорят всей правды. Они перечисляют гостиницы и места, которые необходимо посетить туристу. Они зовут вас в замок Кристианбург, в ботанический сад и в магазины сувениров. Послушайся путеводителя, и ты не вывезешь из Аккры ничего, кроме воспоминаний о достопримечательностях и кокосового ореха.

Мы старательно прочли путевые заметки о Гане, написанные за последние годы, и уяснили, что в Гане жарко, что она лежит на берегу Гвинейского залива, что торговки в Гане называются мамми, ездят они на грузовичках, которые именуются все вместе мамми-лорри, а по отдельности имеют названия вроде «Бойся женщин» или «Богатый — мне не друг». В Гане много племен, и каждое говорит на своем языке. Государственным языком остается английский. В Гане выращивается какао. В более обстоятельных статьях и в энциклопедиях мы прочли о политическом строе Ганы и о ее экономическом положении. Кроме того, мы знали с детства, что Гана расположена в Экваториальной Африке, а потому там должны водиться слоны, леопарды, крокодилы и муха цеце. В общем, мы приехали в Гану подкованными, с определенными представлениями о том, что должны увидеть.

И увидели.

Увидели все или почти все, о чем читали недавно. Не увидели или почти не увидели того, о чем знали с детства. Увидели все не таким, как ожидали, в других пропорциях и масштабах. Но в любом случае я надеюсь, что к нам не относятся слова Эрнста Энгманна, нашего ганского друга, которые он произнес

где-то в Большом лесу, между Такоради и Самре-
бои, когда мы возвращались с лесоразработок.

— Приезжают к нам люди,— сказал он,— и начинают искать нашу отсталость. Ну, раздетых женщин, луки и щиты и жертвоприношения. Увидит такой северного жителя (из Северной области Ганы) и начинает его обнимать со всех сторон. Если бы вы знали, как нам все это неприятно! Ведь в любом государстве есть вещи, которые не хочется показывать, особенно если вы равнодушны к своей стране и знаете, что эти недостатки будут изжиты.

Мы согласны с Энгманном. Скажу заранее, что в Гане часть населения живет в глиняных хижинах и не знает почти никакой одежды, что Гана — страна отсталая, с низким жизненным уровнем, что не все там так гладко, как хотелось бы людям, которые равнодушны к ее жизни. Но не это главное в Гане. Главное — тот прыжок, который делает она сейчас, чтобы наверстать годы, украденные колонизаторами, главное — как она перешагивает из вчера в завтра; главное — как живет страна и как она хочет жить.

Здесь пойдет разговор и о тех же мамми и мамми-лорри, и о племенах, и о какао, — ведь это Гана.

Здесь пойдет разговор и о Большом Кольце, и о табачной фабрике, и о строительстве общежития медсестер в городе Болгатанга, — это Гана.

Здесь пойдет разговор о том, как англичане завоевали страну Ашанти, и о том, как была расстреляна демонстрация ветеранов, — это тоже Гана.

Здесь пойдет разговор о лесах и рыбацких деревеньках, о крокодилах и мухе цеце, — и это Гана.

Итак, мы в Аккре, столице Ганы, городе, в котором тридцать лет назад было сто тысяч, а сейчас около четырехсот тысяч жителей, Аккра стоит на самом берегу Гвинейского залива. Здесь жарко, и ветерок с океана, приносит больше влаги, чем прохлады.

Нас четверо. Трое помоложе, это Владимир Александрович Орлов, Марат Зименков и я, а один постарше — наш начальник, руководитель группы, Па-

вел Павлович Антонов. Группа должна составить технические условия на строительство промышленных предприятий и других объектов, что будут строиться в Гане с помощью Советского Союза. Группа должна решить, какие строительные материалы и оборудование применять в Гане лучше всего, как будут влиять на строительство климат и ветры, насколько опасны землетрясения и многое, многое другое. Работы более чем достаточно, а вот времени маловато — выводов группы ждут проектировщики в Москве, задерживаться нельзя.

Но сегодня мы свободны. Мы приехали в субботу, и все учреждения на замке. Перед нами лежит город, который надо открыть. Мы не хотим подчинять свою свободную волю справочникам и путеводителям. Мы выходим из гостиницы и идем наугад.

Попадаем не на центральную улицу. Почти вплотную друг к другу двух- и трехэтажные дома. Три часа дня, жара начинает спадать, и улица уже намного живее, чем была, когда мы ехали по ней с аэродрома. Эта улица (как мы узнали впоследствии) — типичная улица ганских городов. Население Аккры очень четко делится на тех, кто ездит на машине, и на тех, кто ходит пешком. В Аккре тротуары есть только на одной, центральной улице, да и то не во всю ее длину. Мы увидели фотоателье, перед которыми, как чулки, сушатся на веревках пленки, столовые — чоп-бары, мебельные мастерские. На краю мостовой шлифуют стол красного дерева, который не поместился под навесом. Разносчики, уличные парикмахеры, у ворот сидят старики. Улица не прячет своей жизни от пришельца. Здесь говорят, смеются и ругаются громко — всем, наверное, отлично известно, чем недовольна жена в соседнем доме.

И тут же бросаются в глаза те внешние атрибуты, которые известны по фотографиям и рисункам. Женщины все несут на голове — будь то книга или ведро с водой. А за спиной почти у каждой — ребенок. Ребята молчаливы и серьезны, весь день их укачивает мать, баюкает своей мерной походкой. Мужчины одеты разнообразно, порой кажется, что попал на ки-

Женщины все несут на голове — будь то книга, корзина или ведро с водой

ностудию, где снимают сразу несколько картин. И черный костюм, и солдатская куртка, и трусики, и короткий полосатый балахон северных областей, и кенте — роскошное, царственное кенте, точная копия римской тоги, только не одноцветное, а всех цветов радуги... В Аккре — люди из разных племен. Кто отказался от привычной одежды, а кто предпочитает ее. Никаких правил по этой части нет — в общем все естественно на ганце. Зато та же одежда, что кажется такой простой на ашанти или га, приобретает кричащий вид, когда ее надевают из оригинальнича-

ния или бог весть каких соображений. Как-то я видел американского парнишку из Корпуса мира. Он был коротко подстрижен, худ и обожжен солнцем. На крупном носу надежно сидели очки в тонкой золотой оправе. Парень оделся в северный балахон (не могу найти более точного слова для этой одежды, длиной с рубашку, но широкой, кадающей вольными складками), из-под которого торчали серые клетчатые брюки. Результат был до удивления неприличен. Это чувствовали все окружающие, все, кроме самого парня. Он ходил гоголем, гордый своим решением пойти на любые жертвы, чтобы показать, что не чурается негров.

•
Дети молчаливы и серьезны, ведь их укачивает мать, баюкает мерной походкой

Поблуждав в переулках, мы попали на центральную улицу — авеню Кваме Нкрума. Попали, привлеченные высоким домом, который вдруг показался над крышей очередного магазинчика.

Улица окаймлена стеклянными стенами банков и универмагов. Любой отрезок ее — иллюстрация к статье «старое и новое». Причем почему-то рядом все время оказывается очень старое и очень новое. Улица не производит цельного впечатления — это случайное сборище высоких зданий, которые потеснили, но не смогли выгнать старые одноэтажные домики с парикмахерскими, чоп-барами и лавками.

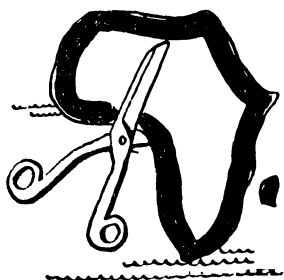
И везде торгуют. В первый день, когда мы попали в Аккру, в субботу, торговали меньше, чем обычно, — короткий день, но вообще-то в Аккре, как и в любом ганском городе, торгуют много. Очень большой процент населения, особенно женского, занят в мелкой розничной торговле, в такой мелкой, когда пачка сахара продается по кусочкам, а сигареты — поштучно. Пока товар дойдет до покупателя, он вырастает в цене в несколько раз, но очень часто ганец может позволить себе купить пять кусков сахара, но не пакет его, в котором кусок обошелся бы дешевле. Бесконечными рядами сидят толстые веселые мамми (мы знали, что увидим их, и увидели) и продают спички, сигареты, носки, нитки, лепешки, тетрадки — все что угодно.

Увидели мы, конечно, и мамми-лорри с названиями на ветровом стекле, и продавцов кинжалов в кожаных ножнах, бус и других сувениров. Сотни лет африканцам привозили бусы и меняли их на золото. Теперь приезжие увозят бусы из Африки в Европу. Времена изменились.

В общем, мы увидели очень многое из того, что ожидали увидеть. Гана не таилась. Но, с другой стороны, мы ровным счетом ничего не узнали о ней.

Мы взглянули уже на ее европейскую маску (в гостинице в первую очередь), почувствовали тот городской колорит, что город готов показать любому, кто забежал туда на денек. Вот и все.

Знакомство с Ганой еще предстояло.

ПОЧЕМУ ГАНА?

Энгманн подошел к большой карте.

— Значит, после того как мы окончим знакомство с Аккрой, надо будет собираться в путь по стране.

Мы познакомились с Энгманном два дня назад. Нас представили министру строительства, тот поручил нас своему заместителю, а заместитель — Энгманну, одному из руководителей Управления общественных работ. Мы будем два месяца работать вместе. Мы еще присматриваемся друг к другу, он — первый ганец, с которым нам предстоит близко познакомиться, и по нему мы будем до какой-то степени судить о строителях новой Ганы. Мы — первые русские, с которыми встретился Энгманн. По нас он будет судить о советских людях.

Энгманн скуласт и улыбчив. У него светлая для ганца кожа и резкие, рубленые черты лица. Кабинет его завален папками, и совершенно непонятно, когда он успевает просмотреть и подписать их. Пока мы сидим, раз пять в комнате неслышно появляется курьер и подкладывает новую папку в кипу «входящих». В Гане не хватает квалифицированных инженеров и администраторов, и те, на кого опирается правительство, молоды и чем-то похожи друг на друга. Может быть, деловитостью, серьезностью и способностью быстро разбираться в том, что нужно, что полезно стране.

Нам впоследствии пришлось объехать с Энгманном почти всю Гану, и в каждом городе он встречал или однокашника, или приятеля, или сослуживца.

Энгманн из тех руководителей, которые за пять лет независимости прошли путь от рядового специалиста до крупного правительственного или партийного работника. Энгманн побывал везде, в самых дальних уголках страны, когда был дорожным инженером на севере или работал в областном стройуправлении в Такоради. Последние пять лет он провел буквально на колесах,— если страна так быстро строится, письмами и телефонными звонками не отделаешься.

Да и в Аккре, в Управлении, все не так просто. Уж очень разношерстен состав его служащих. Много англичан — архитекторов, инженеров, чиновников. Не все они искренне стараются помочь Гане. Приходится иметь дело с подрядчиками, которые думают в первую очередь о своей выгоде. Не хватает техники, специалистов, средств.

Но обо всем этом мы узнали позднее. А сейчас мы стоим у карты и обсуждаем маршрут.

— Можно приблизительно разделить Гану на три зоны,— продолжает Энгманн.— Побережье, или бывший собственно Золотой Берег, зону лесов и северные территории. Они все разнятся по климату и прочим условиям.

Который раз уж мы рассматриваем карту Ганы. Прямоугольник, вытянутый с севера на юг. Внизу, на юге, его подпирает океан, и кажется, что большинство надписей оторвалось от своих мест и ссыпалось вниз, к океану, к Гвинейскому заливу. Юг притягивает к себе и население, и ресурсы страны. Золотой Берег и страна Ашанти — зона лесов — пестрят названиями городов и деревень, значками минеральных богатств и сельскохозяйственных культур. Чем дальше на север, тем реже встречаются поселения, линии шоссе, голубые полосы рек, значки ископаемых. Пропадают железные дороги и шахты, исчезают заводы. Страна развита неравномерно.

Когда смотришь на карту, невольно обращаешь внимание на какую-то неестественность границ Ганы. Потом понимаешь — очертания страны слишком правильны. Как будто кто-то выкромсал тупыми ножами прямоугольник из тела Африки.

Границы любого государства — это рубежи обитания народа или народов, его населяющих. Границы стран Западной Африки, бывших ранее колониями, — это линии, у которых столкнулись отряды завоевателей, границы зон влияния.

До второй половины прошлого века власть англичан, французов и немцев в Западной Африке распространялась только на узкую прибрежную полосу Гвинейского залива.

Захват внутренних областей начался тогда, когда встала проблема обладания рынками сбыта, когда на арену истории вышел молодой, жадный империализм.

Раздел Западной Африки проходил бурно, в острой борьбе между колониальными державами. Нужно было отхватить кусок пожирнее, пока его не прибрали к рукам конкуренты. И колонизаторов меньше всего интересовало, соответствуют ли границы новых колоний действительным этническим границам.

Учебники истории, воспоминания участников походов воссоздают картину событий.

...Неделями потные негры-носильщики тащили пушки и ящики с боеприпасами через леса и вброд через мутные, быстрые реки. Лес шумел вокруг, враждебный, таящий в себе ядовитых змей, неслышную поступь леопардов, тучи москитов и свист отравленных стрел непокорных туземцев.

На стоянках солдаты натягивали москитные сетки над гамаками трясущихся в лихорадке офицеров. И солдаты и офицеры ругали судьбу, занесшую их в эти проклятые богом места. Вершители же их судеб не покидали кабинетов в Лондоне. Они по камешку возводили громоздкое здание с гордым названием Британская империя. Роты войск Ее Величества королевы Великобритании шли на север. Они рвались в глубь материка, пользуясь ненадежными картами первых путешественников и миссионеров. Их подстегивали короткие приказы из прибрежных крепостей — в приказах писалось о том, что французские (или немецкие) батальоны уже обогнали солдат Ее Величества на сто миль и заключили выгодный для Фран-

ции (или Германии) договор о протекторате с местными вождями.

Английские офицеры сокращали дневки и похода сжигали несдававшиеся деревни.

На двадцатый, а может пятидесятый, день похода лазутчики доносили командиру отряда, что навстречу движутся белые в незнакомой форме. Отряд замедлял движение, офицеры приказывали проверить оружие. Предстояла встреча с конкурентами.

Порой она проходила без инцидентов, порой выливалась в короткую стычку. Тогда в газетах всего мира появлялось сообщение об очередном колониальном конфликте. Министерства иностранных дел в Париже и Берлине составляли пространные ноты, обосновывая свое извечное право на такую-то область Африки.

Командиры отрядов сверяли карты, и через точку встречи проходила новая граница. Отряды колонизаторов расходились и уходили дальше, к северу, где еще оставались независимые земли.

А жители новых колоний часто и не знали, что отныне половина племени будет жить на земле, принадлежащей кайзеру, и называть полицейского герром, а половина, попавшая под власть английской королевы,— сэром. Так случилось, например, с народом эве.

Но вот колония захвачена. Племена покорены. Границы установлены.

На новые владения наклеивались бирки с первым попавшимся названием. Иногда это было название реки или озера — Чад, Верхняя Вольта, Нигер, иногда на всю страну распространялось название берега, открытого португальцами, — Золотой Берег, Берег Слоновой Кости. Это зависело от прихоти чиновников из соответствующего министерства колоний. В большинстве случаев такие названия сохранились и по сей день, что приводит порой к печальным курьезам. Ведь есть две страны Конго — со столицей в Браззавиле и со столицей в Леопольдвилле. Есть страна Нигерия, а севернее — страна Нигер. Колониальные чиновники не отличались фантазией.

И когда теперешняя Гана приближалась к независимости, встал вопрос, почему стране именоваться Золотым Берегом?

Страна — не берег. Страна не собирается быть поставщиком золота. В средние века в Африке существовало могучее государство Гана. В него не входила территория теперешней Ганы, но возможно, часть населения старой Ганы — предки жителей Ганы новой. Впрочем, не в этом дело. Давая название новому независимому государству, руководители национально-освободительного движения в первую очередь подчеркивали то, что первая колония Черной Африки, добившаяся самостоятельности, собирается продолжать традиции славного прошлого своего континента, прошлого, которое отрицалось в течение всего колониального периода, прошлого, которое зачеркивалось всем, вплоть до названий колоний.

Я не встречал ни одного ганца, который бы сказал, что не согласен с названием Гана. Смысл слова отлично понятен любому жителю Африки.

А Энгманн ведет карандашом по карте. От Аккры карандаш направляется на запад, по самому побережью, до порта Такоради. Мы увидим здесь большую часть того берега, с которым связана история европейского завоевания, увидим работорговые крепости, рыбацкие деревни и прибрежные рощи кокосовых пальм.

— Я звонил в Такоради. Там есть наше областное управление. Они договорятся с фабриками и портом. Да, кстати, надеюсь, нам удастся побывать в самом глухом лесу, у западной границы, там, где крупнейший лесокombинат.

Карандаш забегает за Такоради и, прочертив невидимую линию на карте, упирается в маленькую точку в зеленом массиве леса.

— А оттуда на север, в Кумаси, в центр области Ашанти. Здесь и климат другой, и промышленность другая, и строим не совсем так, как на юге. Проедем весь лес с юга на север, а потом через саванну в северные территории. Там почувствуете, что и до Сахары недалеко.

Карандаш, добежав до северной границы страны, задерживается и начинает обратное путешествие — к Кумаси, а оттуда в Аккру.

— Когда вернетесь, уже будете иметь приблизительное представление о том, как лучше строить. Хорошо?

Начинается обсуждение деталей.

А за окном шумит Аккра, город, к которому мы уже привыкаем, хотя по-настоящему еще не знаем его. Что ж, увидим страну, может, легче будет познать ее сердце.

ДОРОГА НА ЗАПАД

На окраине Аккры — необозримое кладбище автомобилей. Сотни трупов и скелетов автомашин лежат вповалку на пустыре. Ганские водители не всегда осторожны.

Газеты помещают фотографии растерзанных автомобилей. В одной из них снимок сопровождается такой надписью: «Как известно нашим глубокоуважаемым читателям, мы всегда были противниками публикации страшных фотографий на страницах нашей газеты. Но сегодня после долгих раздумий мы пошли на то, чтобы поместить фотографию машины с ее погибшим владельцем. Пусть это послужит уроком легкомысленным водителям».

Фотография появилась перед Рождеством.

На следующий день все газеты напечатали призыв

«Если пьян, не садись за руль, если сел за руль, не пей!»

Но различные предостережения помогают мало. Машины разномастны — от новейших фордов до грузовиков времен первой мировой войны. Многие из них дышат на ладан. Обычно машины перегружены и шоферы ездят значительно быстрее, чем положено. Никогда и нигде не видел я такого перемещения людей. Кажется, вся Гана куда-то едет, спешит...

Железные дороги строились англичанами с узко-специальными целями: они соединяют Кумаси — центр района разработок золота, алмазов, бокситов и разведения какао — с побережьем и с Аккрой. Поезда везут руду, мешки с бобами какао и стволы деревьев к кораблям, ожидающим в порту Такоради.

И если вы торопитесь и у вас нет своей легковой машины — придется взгромоздиться в переполненный мамми-лорри. Грузовички спешат.

Пускай об этом пишут все, но умолчать невозможно. Грузовички — вид фольклора. Кажется, что все шоферы участвуют в грандиозном соревновании на оригинальное название машины. И достигают в этом вершин. Надписи можно делить на классы и виды, собирать, как марки.

Марат Зименков поддался благородной страсти коллекционирования. Он записывает названия мамми-лорри. Черная тетрадь в клеенчатой обложке лежит у него на коленях. Список уже переехал на третью страницу. Марат пытается остановиться, закрывает тетрадь, но в этот момент из-за поворота показывается, позвякивая всеми составными частями, шарабан с белой надписью над ветровым стеклом: «Спасибо маме». Марат тяжело вздыхает и открывает тетрадь снова.

Надписи — афоризмы, цитаты, пословицы, поговорки.

Иногда можно проследить источник названия. Например, христианство, но несколько отредактированное — «Неисповедимы пути господни... и женские». Хотите короче? Пожалуйста: «Сам попробуй!», «Все еще еду» — написано на престарелом рыдване.

Я спрашиваю шофера, мистера Кофи, как называется наша машина. Кофи долго и заразительно смеется:

— Никак не называется.

И косится на Энгманна. Энгманн делает вид, что нет ничего интереснее, чем карта автомобильных дорог. Энгманн вряд ли позволил бы портить надписями голубую обтекаемость «оппель-капитана».

— Но, по-моему, у всех машин в Гане есть названия,— продолжаю я.

— Можно сказать, что машина называется «Почему»,— выпаливает Кофи.

— «Почему»?

— А чем хуже другого?

И в самом деле, не хуже.

Мы тоже поддались увлечению. Но оказывается, совсем не так просто — придумать удачное название для машины.

Слева, то появляясь за пальмами, то исчезая за крышами прибрежных деревенок, одинаково, но не однообразно поблескивает океан. Вот что не изменилось со времен португальцев. Впрочем, это единственное, что не изменилось совсем.

Между дорогой и полосой песка растут обязательные кокосовые пальмы. Этого в португальские времена не было — пальмы посажены людьми. Под пальмами оживленно. Хижины в тени, сети рыбаков разложены на песке, у самого шоссе серебряной дорожкой сушится рыба. И везде люди.

А еще лет двести назад путешественники, попадавшие в эти места, писали о непроходимом тропическом лесе. Со слонами, леопардами и обезьянами. Одну обезьяну мы все-таки встретили — она сидела на веревке у входа в лавочку и лениво чистила банан.

Мы останавливаемся, заметив, что ребяташки, забравшись на пальму, сбрасывают кокосовые орехи. Ребята охотно делятся с нами орехами и даже рубят их для нас большими ножами. Вдруг с берега доносится крик, и наши новые знакомые, бросив недопитые орехи, летят к океану.

— Хотите посмотреть? — спрашивает Энгманн.

На пироге не выйдешь далеко в океан...

Мы не знаем, на что, но, конечно, соглашаемся.

Оказывается, вытягивают сеть. Длинная вереница здоровенных парней тянет канат. Тянут, ритмично наклоняясь в такт песне.

Все внимание деревни приковано к сети — она должна вот-вот показаться из бурунов. Из-за деревьев появляются женщины с мисками и тазами на головах. Ребятишки крутятся вокруг рыбаков, хватаются за канат (и получают тут же по соответствующему месту), лезут по пояс в воду, чтобы первыми разглядеть, что попало в сеть.

Невесть откуда прибывают зрители вроде нас. Берег оживает.

Наконец замечаешь, как бурлит вода между двух валов. Этот водоворот — мотня. Вот она медленно вылезает на песок, шевелящимся, дергающимся серебряным шаром. И как ни стараются рыбаки разогнать любопытных, сеть нельзя разглядеть за их спинами. Толпа — как на улице вокруг заблудившегося ребенка.

Мы с минуту выдерживаем тон, а потом, будто подхваченные неведомой силой, бросаемся в центр толпы. А вдруг попало что-то такое?..

Сейчас бы самое время рассмотреть все, что скрыто в сети, но не тут-то было. Для артели это работа. Рыбаки отделяют сеть и, оставив мотню под охраной одного из своих, уносят сеть повыше, чтобы разложить для сушки. Это занимает массу времени, по крайней мере так кажется и нам, и другим зрителям, и женщинам с тазами на головах. Только предусмотрительные мальчишки не теряют времени даром. Кто из них притащил тарелку, кто банку, и теперь они подбирают с песка рыбную мелочь, что проскакивает время от времени сквозь ячейки. Они бы с удовольствием забрались и внутрь мотни, но присутствие взрослых придает их желаниям характер беспочвенной мечты.

Наконец рыбаки возвращаются. Они не спешат, они знают, что все внимание обращено на них. Они даже умудряются остановиться и закурить — в общем, ведут себя, как избалованные кинозвезды. Но в тот самый момент, когда терпение толпы готово лопнуть, староста артели наклоняется и распускает горло мотни. Рыба уже засыпает и не прыгает, только шевелятся хвосты и плавники.

Староста выбрасывает на песок случайные дары моря — раковину, двух медуз, морского кота, маленького, красного от бессильной ярости осьминога и злых черных крабов. Теперь можно приступить к делу.

Рыбаки расстаются с уловом тут же, на берегу, продавая его торговкам. Мамми, после короткой перебранки, выстраиваются в некоторое подобие очереди. Часто торговки — это жены рыбаков, но в денеж-

ных делах мужчины самостоятельны. Дома они разберутся, что делать с деньгами.

Сначала староста откладывает в один из тазов крупных рыб. Затем, черпая тазом мелочь, он ставит его на голову мамми и берет следующий. Рыбаки делают вид, что их все это не касается, но, покуривая, не могут не взглядывать порой на пустеющую мотню.

Один раз староста нарушает очередность. В деревне свои отношения, свои обычаи... Вот он вдруг подзывает стоящую в стороне девочку с маленьким тазиком в руках. Девочка не пытается втиснуться в очередь мамми. Староста кричит ей что-то страшным голосом, выхватывает у нее тазик и наполняет рыбой, потом думает секунду, вынимает большую рыбину и кладет ее сверху, денег он не берет — дело внутреннее. Жители деревни, знающие об этой девочке больше нас, провожают ее поспешное бегство веселым хохотом. Нам тоже весело. Солнце. Валы с размаху бьют по ногам. В сети сегодня много рыбы, не меньше центнера.

А дальше, по берегу, видны другие цепочки рыбаков. Так же покачиваются они — раз-два — взяли, связанные тонкой издали ниточкой каната. У одной из цепочек начинает собираться толпа, значит, и там скоро покажется сеть.

Недалеко от нас, погрузив смотанную сеть в пирогу, другая артель пытается выбраться за полосу прибоя. Пирога перевалила через бурун, и, пока ее не настигла следующая волна, рыбаки бешено работают веслами, похожими на трезубец Нептуна. Снова пирога взметывается среди белой пены, кажется, она вот-вот перевернется, но опять замелькали лопасти весел — еще на метр пирога отошла от берега.

За слаженностью и разумностью действий, за красотой рассчитанных движений скрывается изнурительность этого труда.

А труд рыбака в Гане особенно тяжел — ведь надо затратить несколько часов, чтобы выйти в море, закинуть сеть, вернуться, вытянуть ее. Крупная рыба близко к берегу не подходит, за ней надо выходить в открытый океан.

Кроме пирог и довольно примитивных сетей, у рыбаков нет никакой снасти. Рыба помельче уже практически вычерпана сотнями маленьких артелей, которые не могут отойти больше чем на несколько сот метров от берега. И если первая сеть, которую мы увидели в той деревне, окупала усилия артели, то все последующие сети приносили довольно жалкий улов.

В стране нет ни своего рыболовного флота, ни холодильников, ни рыбоконсервных предприятий. На помощь пришел Советский Союз. Мы поможем не только создать рыболовецкий флот, но и построить рыбоконсервные заводы в Теме, новом портовом городе недалеко от Аккры. Мы взяли на себя подготовку ганских специалистов по рыбному лову. И недалек день, когда Гана перестанет ввозить английские рыбные консервы и мороженую треску. Гана — морская страна, четверть ее границ омывается океаном, а океан до сих пор не был подвластен ганцам.

— Извините, вы из Англии? — спрашивает стоящий рядом танец.

— Нет, мы из Советского Союза.

— Эй, скажите старику Кваме, что его земляки приехали! — вдруг кричит наш собеседник. — Очень хорошо, что вы из России, — доканчивает он, обращаясь к нам.

Мы несколько удивлены. Во-первых, не всякий житель ганской рыбацкой деревушки знает о существовании нашей страны. Неграмотным ганцам не было положено знать о каких-либо государствах, кроме Англии. И даже теперь, после того как страна стала независимой и кругозор людей значительно расширился, все равно в деревнях имеют слабое представление о мире. А во-вторых, найти здесь соотечественника, да еще тезку президента, — этого мы совсем не ожидали.

— Пойдемте, — приглашает нас появившийся рядом староста рыбацкой артели. — Вы в самом деле из России?

— Да.

— И там сейчас снег и лед на всей земле?

— Да, у нас там зима.

— И в Сокольниках уже на лыжах катаются?

— Катаются, — отвечаю я и от неожиданности останавливаюсь. Меньше всего я ожидал услышать что-либо подобное от полуобнаженного негра под кокосовыми пальмами в маленькой деревне на берегу Гвинейского залива.

— Вы сказали: в Сокольниках?

— Да, — староста делает вид, что не видит ничего удивительного в обширности своих познаний. Но у самого чертики в глазах так и бегают. — Вот и старик Кваме, — говорит он. — Познакомьтесь, это друзья из России.

У входа во дворик сидит ганец. Толпа мальчишек, сопровождавшая нас, примолкает.

Мы пожимаем сухую руку старика.

— Ну, как там в Москве? — спрашивает он на ломаном английском языке.

А через пять минут выясняется, отчего жители этой деревни так хорошо знакомы с географией Москвы. Все очень просто, но такого не могло быть еще пять лет назад.

У старика есть сын, и его послали в Москву. Московский студент, сын старика Кваме, пишет в деревню письма. И Кваме, который пока еще не научился читать, дает их старосте рыбаков, что служил в армии и знает английский язык. Письма читают вслух, всей деревней. И все в деревне знают, что в Москве идет снег и в Сокольниках катаются на лыжах.

Мы были первыми русскими, которых увидели рыбаки. Нам показали письмо с советскими марками и портретом Гагарина на конверте. Письмо пришло недавно.

Мы бы еще не скоро выбрались из деревни, если бы не пунктуальность Энгманна. Через час он извлек нас из густой толпы и, попрощавшись с рыбаками, мы уселись в машину.

И пока деревня не скрылась за поворотом, за нашей машиной, приплясывая на бегу, бежали мальчишки.

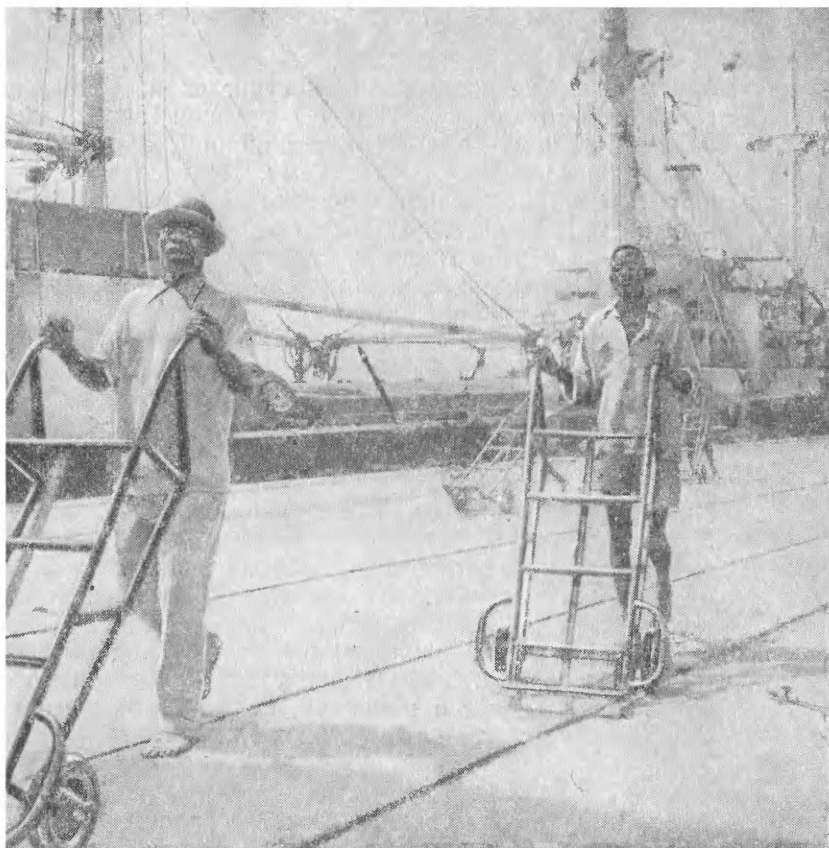

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Вот тут я убил черную кобру, года три назад, когда работал в здешнем управлении дорожным инженером,— сказал Энгманн.

Я невольно внимательнее смотрю под ноги. Но все равно ни зги не видать. Даже непонятно, где кончается лужайка, а где начинается обрыв. А начинается он где-то совсем рядом — там, внизу, ровно светят огни порта Такоради.

Любой порт ночью — прекрасное зрелище. Цепочками тянутся фонари по причалам, пышными созвездиями расцветают стоящие под разгрузкой корабли, освещая черные силуэты кранов. Дальше, в океане, туманностями светятся теплоходы, ожидающие своей очереди. Город позади спит, темный и таинственный, а порт и не собирается отдыхать. Некогда. Такоради — пока единственный крупный порт в стране, и через него проходит основная масса товаров. Гане не повезло. Бухт и заливов почти нет, побережье Гвинейского залива везде одинаково, и у берега так мелко, что корабли не могут подходить близко. В Аккре они останавливаются в полумиле от берега и разгружаются лодками. Это долго и невыгодно. Товары чуть ли не удваиваются в цене, особенно если учесть, что часть лодок опрокидывается в предательских прибрежных бурунах. Остается Такоради с его молотом и далеко уходящими в море причалами. Англичанам не было особого смысла тратить большие деньги на строительство других портов — Такоради справлялся

Грузчики — здоровые веселые ребята

с вывозом какао, золота и леса. Не бог весть как хорошо справлялся.

Теперь у Такоради растет соперник — Тема. Правда, пока этот порт еще только начинает свою деятельность.

Сверху угадываются места, где мы побывали утром, когда осматривали порт. Вот тонкая линия огоньков, убегаящая вдаль, — это новый причал, который еще не вступил в строй. При дневном свете он свеж и чист. Еще не забрызганы мазутом бетонные

плиты, еще не позеленели могучие сваи. Левее, у главного причала, стоит под погрузкой английский корабль. К нему подбегают и опрокидываются одна за другой вагонетки с бокситами. Подвесная дорога проходит вдоль причала и упирается в рыжие, похожие на терриконы, горы бокситов. Пока их приходится вывозить за границу. В Гане еще нет алюминиевой промышленности. На другой стороне причала грузят мешки какао. Грузчиков с горы не разглядеть, но я их помню, здоровых, веселых ребят, с которыми мы говорили утром. Грузчики уже не раз видали советских людей — наши корабли нередко заходят в Такоради. Они привозят в Гану машины, оборудование, а грузят какао. Один из грузчиков не без гордости показал нам значок с «Медным всадником». Видно, недавно приходило наше судно, приписанное к Ленинграду.

Ярче всех светится отплывающий завтра в Европу один из первых теплоходов национальной ганской компании «Черная звезда».

Такоради — последний пункт пребывания в Гане многих из ее богатств. Отсюда уходят из страны какао и бокситы, лес и марганец. Скоро мы поедем на север — увидим, как растет какао и как рубят лес.

— Как вам понравился Смит? — спрашивает Энгманн.

— Очень приятный человек.

— Мой большой друг, — говорит Энгманн.

Мы познакомились со Смитом в первый же день, как приехали в Такоради. Было уже пять часов вечера, и из Управления общественных работ расходились клерки и чертежники. При входе в длинное двухэтажное здание сидел на колченогом стуле сторож в потертом зеленом мундире. Он узнал Энгманна и отдал ему честь. Кто-то перегнулся через перила балкона и помахал Энгманну рукой. Все здесь очень хорошо знали нашего друга, да и он знал каждого. Два года работы дорожным инженером что-нибудь да значат.

— Сейчас познакомимся со Смитом,— сказал на ходу Энгманн,— он теперь начальник областного управления, или главный инженер, как мы его тут называем.

Пока друзья обнимались, мы успели рассмотреть Смита. Оказалось, это — англичанин. Под эспаньолкой серебристый галстук-бабочка, остатки волос тщательно расчесаны на прямой пробор.

А мы думали, что Смит — один из однокашников Энгманна, один из тех строителей новой Ганы, чей коллективный портрет понемногу создавался в нашем представлении. А тут, оказывается, англичанин с эспаньолкой.

— А я вас со вчерашнего дня поджидаю. И номера заказал,— говорит Смит, знакомясь с нами.— И созвонился уже со всеми предприятиями, куда обязательно, по моему мнению, вам надо зайти. Если хотите, забежим к архитекторам, а потом посмотрите мое хозяйство.

— Но ведь рабочий день у вас кончился,— сказал Антонов.

— Какой там рабочий день! Вот выполним пятилетку, тогда и будем работать от сих до сих. Если посматривать на часы, ни черта у тебя не получится. Я всегда говорил Эрнсту. Правда?

Последние слова Смит договаривает уже в коридоре, по которому он почти бежит, увлекая нас к архитектурной мастерской. Энгманн не успевает ответить, но быстроногий Смит и не ждет ответа. Он уже разворачивает рулоны проектов и подводит нас к доскам генпланов.

— Вот такой будет резиденция областного комиссара. Мы хотим поставить ее над морем и придаем ей некоторое сходство с кораблем.

— А это модель моста. Кстати, из сборного железобетона. Вас этим не удивишь, а для нас праздник...

Потом Смит показывает нам лабораторию, ведет в механические мастерские. И все время нас не оставляет какое-то двойственное чувство. Смит говорит «мы» про все, что делают и будут делать в области, он вдруг обрушивается на Энгманна — да еще как —

за то, что столица до сих пор не дала обещанных кредитов на переоборудование кузницы... Если закрыть глаза и представить, что Смит говорит с акцентом, может показаться, что это один из ганских молодых инженеров. А посмотришь на него — опять типичный английский колонизатор.

Когда мы пришли с визитом к областному комиссару, тот тоже, как и Энгманн, спросил нас:

— Ну как вам понравился наш мистер Смит?

Видно было, что самому комиссару Смит нравится.

Вот и теперь, стоя над ночным портом, Энгманн возобновляет разговор о Смите.

— Я ведь не зря спрашиваю. У нас еще много работает англичан, и часто работают добросовестно. Ведь это в основном инженеры. Колонизаторы обычно находятся в Лондоне — здесь им климат не нравится. Сложился типичный образ колонизатора — в пробковом шлеме и шоргах. Таких колонизаторов уж лет сто как не найдешь. Теперешние не снимают костюмов и галстуков, даже когда приезжают сюда по делам. В шлемах и шортах ходим мы сами и инженеры вроде мистера Смита. Многими своими знаниями я обязан ему. Я был еще совсем зеленым, когда попал под его начало. Тыкался, как слепой щенок. А он вечерами сидел, проверял каждый мой шаг, пока не убедился, что я уже и сам могу работать. И я не единственный. Смит — один из тех людей, глядя на которых мы понимаем, что не все англичане дурные.

Энгманн замолкает и поднимает голову. Прямо над нами висит месяц.

— Когда смотришь, как рисуют луну у вас, в Европе, кажется, что художник чего-то напутал, она у него завалилась — один рог вниз, другой наверху.

И в самом деле, здесь, у экватора, месяц похож на пиалу в разрезе, оба его рога одинаково подняты к зениту.

— А Смит давно живет в Гане?

— Лет двадцать уже. Он женат на африканке, у него трое детей — один из них ровесник моей млад-

шей дочке. Подрастут, может, поженим их. Вот уж кто не уедет из Ганы — это Смит. Он здесь нашел родину и дело по душе. И если мы порой думаем — вот настанет время и не будет у нас в стране иностранных специалистов, — это к Смицу не относится, он ганский специалист.

— И много таких людей в Гане?

— Разумеется, нет. К сожалению, такие исключения, как Смит, только подчеркивают общее правило.

— Пора домой. Завтра рано вставать.

Энгманн садится за руль, и мы возвращаемся в гостиницу. Кофи нет, он поехал ночевать к брату. Это уже третий брат нашего шофера за три дня путешествия.

Мы проходим с Энгманном в холл гостиницы. Спать все равно не хочется. Бар уже закрыт, и ночной сторож приносит нам по стакану холодной воды.

— Почему семья Кофи так раскидана по стране? — спрашиваю я.

— Какая семья? — удивляется Энгманн. — Все его близкие живут в Аккре.

— А братья?

— Нет у него братьев, — говорит Энгманн, потом догадывается, в чем дело, и весело смеется. — Так это не братья. Это даже не родственники. Все мы, если из одного племени, называем друг друга братьями и сестрами. Ганец, пока сохраняет связь со своим племенем, может не бояться, что умрет с голоду или останется без крова. В любом городе он отыщет единоплеменника, и тот без слова предоставит ему постель и пищу. А еще теснее эта связь в кругу рода или большой семьи. Если кто-нибудь из семьи разбогатеет, к нему в дом переселяются его тети, дяди, племянники, двоюродные племянники, которых он и в глаза не видал, и все живут на его средства. А сделать ничего нельзя. Остается одно — разориться.

— А вам как, хватает зарплаты?

— На этот коварный вопрос я вынужден ответить, что мне пришлось дважды обокрасть казну и убить банкира. А если говорить серьезно, то я давно уже

растерял все связи с племенем. Но вообще-то племенные традиции — наше больное место.

Я знаю, что у Энгманна трое детей, причем двое старших — близнецы. Мы заинтересовались, как его жена с ними управляется, — ведь ганские женщины носят детей за спиной. — Приходится угнетать тещу, — отшучивается Энгман.

Вопрос о племенах и вождях — вопрос очень серьезный для сегодняшней Ганы. Он влияет на все стороны жизни, порой определяет внутреннюю политику. Это проблема старого и нового, отцов и детей, и если говорить более научно — проблема борьбы феодализма с капитализмом и социализмом сразу.

До тех пор пока англичане в XIX веке не захватили Гану, вожди были единственной властью в стране (господство португальцев, датчан и шведов не распространялось далеко за стены крепостей). Тогда они возглавляли борьбу за свободу, были прогрессивной национальной силой. Но оказалось, что с вождями-то справиться легче всего, особенно таким опытным колонизаторам, как англичане. После того как Гана была покорена, вожди первыми пошли на сговор с новыми хозяевами страны и взамен получили некоторую иллюзию власти. Англичане сохранили институт вождей в полной неприкосновенности, объясняя это «заботой о традициях». Все годы своего владычества они осуществляли «косвенное управление», то есть правили страной не непосредственно, а через вождей. И хотя при каждом вожде находился английский чиновник, хотя вожди не могли и мечтать пойти хоть в чем-нибудь против англичан, они сохранили право бороться со всем, что подрывало их власть над соплеменниками и грозило чем-либо племенному строю. Оставив вождей на своих тронах, англичане воздвигли перед ганцами ганскую же преграду на пути к образованию нации, к развитию национально-освободительного движения.

Это, конечно, не означает, что все вожди сознательно служили англичанам. Нет, вожди в большинстве недолюбливали своих хозяев и были убеждены, что сидят на местах на благо своему пле-

мени. Они твердо и искренне верили, что будущее целиком зависит от них. Они ведь были порождением африканского феодализма и не могли подняться над тем строем, который олицетворяли. И когда в стране началось национально-освободительное движение, многие вожди сразу же вступили с ним в конфликт. Это ведь было не племенное движение, а уже национальное, всеганское. Такое оказалось выше понимания вождей, которые и между собой никогда не могли договориться, а если кто и пытался, то получал строгое предупреждение от англичан. А вождя нетрудно было сменить — всегда находились охотники занять его место.

Так и получилось, что Гана завоевала независимость не с вождями, а помимо и часто против их воли. Народная партия, равноправие без различия племени, пола, социального происхождения, деление страны на административные области, а не на племена — все это, как и курс на индустриализацию, на образование, а также идеи социализма, получившие в Гане широкое распространение, очень и очень не понравились вождям.

Проблема усугубляется тем, что вожди по сей день пользуются большим влиянием в стране, особенно на старшее поколение. Вся земля формально принадлежит вождям, которые от имени племени осуществляют контроль над ее использованием.

Но с развитием экономики, путей сообщения, с распространением образования власть вождей падает. И они поднимаются на борьбу со всем новым.

Нам приходилось видеть вождей. Вот они в коронах из золотых и серебряных пластин, в сандалиях с золотыми пряжками собрались на дурбар (празднество) в честь английской королевы, приехавшей в Гану с визитом. Над каждым вождем громадный зонт, каждого сопровождают советники, музыканты, танцоры и обязательный лингвист — ведь вождь не говорит непосредственно с людьми, он общается с человечеством только через лингвиста. Поэтому еще в английские времена считалось, что овладеть лингвистом — значит овладеть вождем.

Вождей сотни, и они похожи на шумных трутней. За бьющей фонтаном экзотикой, вызывающей умиление туристов, скрываются темные и ограниченные люди, которые вольно или невольно в нынешних условиях стали врагами будущего страны.

Английскую королеву вожди встретили почти с нежностью — от английских монархов они ничего плохого не видели. Это была встреча одних феодальных обломков с другими. Я не хочу обидеть английскую королеву. Она, возможно, очень милая женщина. Я говорю о ней и о вождях как представителях определенной общественной категории.

Институт вождей вымирает. Все меньше и меньше людей идет за вождями, с каждой фабричной трубой, с каждой новой книгой сужается их мир.

— Конечно, они мешают. Но что поделаешь, все-таки свои вожди.

— А вы сами из какого племени? — спрашиваю я Энгманна.

— Из аккры. Есть такое племя. Оно живет в столице.

— И у вас есть свой вождь?

— Есть. И я даже недавно с ним разговаривал. Я у него купил участок земли, на котором буду строить дом.

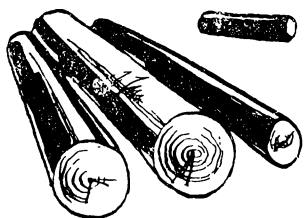
— И вся земля в Аккре еще принадлежит вождю?

— В Аккре несколько вождей. Но землю они потеряли. Да, впрочем, какие это вожди! В городах они уже только воспоминание. В деревнях сложнее.

Над Такоради глубокая ночь. В окно холла, изредка мигая, заглядывает красный глазище маяка. Наверно, его видно далеко в океане. Снизу, из порта, доносится долгий гудок. Потом слышны тяжелые вздохи и шипение, будто громадный зверь ворочается у воды и никак не может заснуть.

Ночной сторож, громко шлепая босыми пятками, третий раз проходит по холлу, как бы напоминая нам, что уже поздно. Москитные сетки на окнах задрожали от внезапного порыва бриза. Энгманн отодвигает стакан и поднимается.

— Спокойной ночи.

ШКАФ КРАСНОГО ДЕРЕВА

Честно говоря, в моем представлении красное дерево неотделимо от старинного буфета с резными колонками и остатками саксонского сервиза за маленькими толстыми стеклами. Красное дерево. Шкаф красного дерева. У него стол красного дерева. У него вся мебель красного дерева! И вот я столкнулся с красным деревом на его родине.

— Гвозди золотыми часами заколачиваем,—мрачно сказал Смит.

Мы стояли посреди двора механических мастерских стройуправления в Такоради и смотрели, как рабочие сбивают ящики из темно-розовых досок.

Мистер Смит теребит эспаньолку, потом говорит:

— Судить нас надо, как вредителей, да некому.

И идет дальше, мимо нового кузова грузовика. Кузов сбит из тех же розовых досок.

— Почему так?

— А знаете ли вы, что в Европе за это красное дерево платят минимум в десять раз дороже, чем здесь? Не знаете? То-то. А что нам делать, если у нас план, если грузовики и ящики тоже нужны позарез, а присылают только красное дерево. У нас план, а им выгоднее рубить красное дерево, чем возиться с дешевыми породами...

Им — это значит лесопромышленникам.

Смит не развивает темы дальше. Мы подходим к другому цеху.

Завтра мы поедem в Лес с большой буквы, к западной границе, на лесокoмбинат в Самребой.

Мы еще не видели толком ганского леса, и нам предстоит увидеть весь путь, который проходит дерево с того момента, когда упадет под ударами длинноруких топоров, и до того, как в виде бревен, досок или фанеры будет погружено в порту на корабли.

Вечером я достаю справочник «Ганский лес». Надо подготовиться к путешествию. Ведь, в сущности говоря, я ничего о красном дереве не знаю.

Этот ботанический справочник оказался интересной книгой. За сухими словами и латинскими терминами открывается множество интересных сведений о ганском лесе. Каждому дереву уделена страница — будь оно огромным и невероятно полезным для хозяйства или мало кому нужной метелкой. Разве что в ботанике может быть достигнуто столь абсолютное равноправие.

Ганский лес очень разнообразен и сказочно богат, но никто еще этими богатствами не смог воспользоваться. Лес этот как сундук с драгоценностями, ключа от которого еще не нашли. Но ехать за ним за тридевять земель не придется, он тут же, под боком.

До красного дерева я добрался только часа через два. Но не было жаль потраченного времени. Я прочел и о черном дереве, и о пальмах — кокосовой, масличной... Например, из орехов масличной пальмы получают два вида масла — красное и белое. Красное идет для приготовления пищи, белое — на помаду, мыло. Пальмовые листья тоже принимают самую различную форму. Ими кроют крыши. Их используют на обертку вместо бумаги, изготовляют из них щетки и многое другое. Сердцевина ствола — лакомство, сок — пальмовое вино (напиток, который надо пить в тот же день, — он очень быстро бродит и превращается в уксус). Древесина пальмы — топливо и материал для кое-каких поделок (как строительный материал пальмовая древесина употребляется редко — она непрочна и быстро гниет).

Это все одна только масличная пальма. А ганских пород деревьев — сотни. Большинство — обладатели

Два метра в поперечнике ствола... Не каждому автокрану под силу такой кругляк

загадочных местных имен и не менее загадочных латинских. Как ни жаль, но я понял, что для того, чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в породах деревьев, растущих в ганских лесах, надо специально приехать сюда на год-другой и ничем, кроме ботаники, не заниматься.

Вот наконец и красное дерево. Но почему здесь написано «относящееся к деревьям, древесина кото-

рых имеет торговое название «красное дерево»? Переворачиваю страницу. То же самое. Еще страница, еще.

Да здесь чуть ли не десяток «красных деревьев»! И ни одного красного дерева. Оказывается, существует целый ряд деревьев, каждое из которых имеет полное право именоваться красным. Они разные — эти деревья. И по коре, и по листьям, и по латинским названиям. Но у всех древесина темно-розового цвета, крепкая, долговечная, не боящаяся вредителей и болезней. И еще одна общая черта — они высоки, очень высоки, эти красные деревья, до семидесяти метров высотой. Остальные деревья в лесу им по пояс.

И другую интересную вещь я вычитал в справочнике. Оказывается, в Гане много деревьев, древесина которых, не относясь по цвету к красной, по всем остальным показателям не уступает ей. Это, например, черное, эбеновое, дерево.

Итак, мы едем в Большой лес, который все время по ассоциации называем джунглями, азиатским — непонятым в Африке словом.

— Все одели темные рубашки, как я вчера говорил? — осведомляется Энгманн.

Вопрос риторический. Мы всегда беспрекословно слушаемся.

Улицы Такоради оживленнее, чем вчера. Приближается Рождество. На центральной площади сооружают елку. К высокому шесту привязывают ветки казаурин, листья которых похожи на длинные сосновые ветки. Издали елка как настоящая.

Проезжаем мимо табачной фабрики. Мы на ней уже побывали. Чистая, опрятная и подтянутая. Сильный профсоюз, с которым вынуждены считаться хозяева, добился того, что условия труда здесь лучше, чем на других предприятиях. С этой фабрикой у нас связано одно очень приятное воспоминание. Там, в помещении складов табака, поддерживается низкая температура и влажность воздуха. Воздух сух и холоден, как у нас осенью. И от ровных тюков табака разносится сладковатый запах сена.

Табачная фабрика — предмет законной гордости такорадцев. В стране вообще каждая фабрика на учете, а эта к тому же вполне современная и красивая — архитекторы спроектировали здания, ничем не похожие на те тоскливые приземистые фабричные корпуса, что прямо-таки вопят о тяжелом и скучном труде. Фабрика построена уже в независимой Гане. Ее продукция ничем не уступает заграничной. Знатки не чураются ганских сигарет.

Наконец Такоради тает среди деревьев. Только что был город, и вдруг — лес. Правда, ненадолго. Мы въезжаем в Секонди — этот сиамский близнец Такоради. На картах так и написано: Секонди-Такоради, двойной город. Но они очень различны. Они поделили между собой обязанности. Такоради — город деловой, он обзавелся портом, в нем выросли банки и пароходные компании. По улицам ходят моряки со всего света, и в магазинах с размахом торгуют сувенирами. Секонди старше, обжитее, теснее. В нем базары, кварталы старых домов и областные учреждения. Секонди — номинальный центр области, а Такоради — действительный.

Проехали и Секонди. Теперь пора поворачивать к лесу.

Машина останавливается. Стадо коров. Их гонят издалека, может, от северных границ, может, из Верхней Вольты или Мали. Погонщики в длинных синих халатах и круглых шапочках. Такие стада неделями идут на юг. Мясо само транспортируется, то есть бредет к морю, и коровы в последние дни жизни имеют возможность полакомиться влажной обильной травой леса.

Тут же, неподалеку, их закалывают. Рядом с мечетью. На мечети и на площади перед ней — множество уродливых, жадных и нахальных грифов. Грифы не спешат, они посматривают с минарета на глупых коров и ждут. Они уже не раз видали таких.

Дорога интересна тем, что не знаешь, что ждет тебя за поворотом. Может, речка, тихая и глубокая, наверняка священная для соседнего племени, богатая рыбой и крокодилами. Воздух над ней кишит моски-

тами и всякой летучей тварью, которая несет болезни, болезни и еще болезни.

А может, это будет бамбуковая роща? Бамбук растет кущами высотой метров под двадцать. Или по сторонам дороги побегут банановые плантации?

А лес все выше и выше. И все-таки он разочаровывает. Не хватает таинственности и величавости. Нельзя сказать, что он состоит из высоких деревьев. Подавляющее большинство их — невелики, опутаны лианами и непредставительны. Великаны растут каждый сам по себе, над лесом и как-то вне леса. Мне не приходилось видеть в Гане однопородных лесов вроде наших сосновых или дубовых рощ — лес всегда смешанный.

— Нам обязательно надо развивать лесную промышленность. — говорит Энгманн. — Сейчас, когда большая часть экспорта — какао, вся экономика страны зависит от того, сколько стоит мешок его в Лондоне или Нью-Йорке. Не правда ли, нелепо? Вся страна должна затягивать пояс оттого, что подешевел продукт, которого мы и не едим.

И в самом деле, ганцы не употребляют какао, не пьют его. А может быть, это я не видел того самого ганца, который пьет какао? Но если он и существует, то не он отражает вкусы своей страны. Как-то мы заказали какао на завтрак. Вот где, наверно, оно ароматно и вкусно! Официант был искренне удивлен, но заказ принял. Через полчаса (столько занимает дорога в ближайший магазин и обратно) принесли какую-то бурду. Не какао и не кофе — так что-то. Оказалось, что напиток приготовлен из консервированного какао, на банках стояла надпись «сделано во Франции». А сколько какао на стакан — ганские повара не знали. Заварили, как чай.

Лес сейчас составляет около десяти процентов экспорта Ганы. Это внушительно, но доходы от экспорта невелики, и на пути повышения их стоят всевозможные препятствия.

Гана много теряет на вывозе леса в бревнах. Но для того чтобы вывозить красное дерево в досках или фанере, надо иметь лесопилки, машины.

Большинство лесоразработок ведется мелкими ганскими промышленниками, у которых нет оборудования, чтобы распиливать громадные бревна. Комбинат, куда мы едем, — одно из немногих крупных предприятий, но он принадлежит иностранной компании и Гане от него мало проку.

Где-то в лесу, на полпути в Самребои, серое полотно дороги обрывается. Теперь пару сотен километров придется ехать по латеритной дороге. Латерит тверд, из него в некоторых странах даже строят дома. Латеритные породы выходят на поверхность во многих районах Ганы. Дороги в таких местах настолько спрессованы, что выдерживают большое движение. Но в сухое время года каждая машина стирает шиной тонкий слой, и потому над дорогой висит красная пыль. Она забирается всюду и окрашивает одежду, лица, деревья, кусты. Через несколько километров мы все, включая Энгманна, похожи на индейцев. За «оппель-капитаном» тянется длинный красный шлейф, а каждая встречная машина с таким же пыльным шлейфом погружает нас в непроглядный красный туман. Теперь мы понимаем, почему Энгманн просил не надевать белых рубашек.

Задыхаясь в пыли, со страхом ожидая, что встретится еще одна машина (а машин на дороге много), мы не заметили, как свернули на проселок. Это уже дорога лесокомбината. Через несколько метров путь преграждает полосатый шлагбаум и сторож в экзотической форме вылезает из будки, чтобы проверить наши документы. Имеем ли мы письменное приглашение?

Но у нас его нет. Нас пригласили устно через мистера Смита. Сторож, часовой лесной державы, уютно спрятавшейся на окраине страны, не имеет указания пропустить иностранцев внутрь.

— Где тут у вас телефон? — спрашивает Энгманн. Он знает, что хозяин в стране он, а не иностранные компании. Ему неудобно беспомощно стоять во вратах лесного царства.

В Гане еще много сохранилось подобных царств. И комбинат, куда мы едем, территория концессий которого более тысячи квадратных километров, и золотые и алмазные шахты, где режим еще строже, и другие концессии и разработки. Ганское правительство пока не сокращает права промышленных владык, потому что их еще некем заменить. Что ни говори, но они привозят в страну технику, дают работу ганцам и отчисляют определенную долю доходов в государственную казну. Но доходы эти трудно контролировать, и представители правительства, присылаемые в «царства», сталкиваются со множеством трудностей. Бывает, что компании начинают шантажировать правительство, угрожая закрыть предприятия. А уходя, иностранные концессионеры предпочитают действовать по принципу Передонова из романа Ф. Сологуба «Мелкий Бес». Тот Передонов, съезжая с квартиры, пригласил к себе друзей и, отпив с ними чайку, крикнул: «Плюй на стенку на зло хозяйке! Мы скоро выедем!» Они порвали обои, заплевали стены и загадили комнату как могли.

Концессионеры готовы затопить шахты и уничтожить оборудование, лишь бы никто не мог воспользоваться. Теперь подобные действия приравнены к уголовному преступлению. Не так давно ганский парламент принял закон, по которому в случае закрытия завода или шахты владелец обязан передать их правительству в целости и сохранности.

— Ну как, можно связаться с начальством? Есть телефон? — спрашивает Энгманн.

— Нет телефона.

— Что же делать?

Страж растерян. Он думает, потом несет анкету. Энгманн заполняет ее на себя. Он ведь представитель правительства, а мы — его гости.

Пока идут все эти переговоры, брат сторожа приносит нам красные орехи масличной пальмы. Он ничего против нас не имеет, как, впрочем, и сам сторож. Ганец кричит Орлову, отошедшему на несколько шагов в сторону:

— Осторожнее! Там леопард!

— Как леопард?

Ганец доволен произведенным впечатлением.

— Вчера моя сестра была в лесу с дочкой. И дочка отбежала в сторону. И на нее прыгнул леопард. Он хотел унести ее, но мать услышала крик, прибежала, леопард испугался и исчез. Но он где-то неподалеку.

— А что с девочкой?

— Ее отвезли в больницу, на комбинат. Доктор сказал, что ничего опасного. Но зверь ее сильно ободрал.

Лес, такой солнечный и нестрашный, по-прежнему мирно шумит вокруг. Правда, мы теперь склонны улавливать в этом шуме тревожные нотки. Мы почти не встречали животных в Гане. Нам не попадались ни обезьяны, ни леопарды, ни олени, ни бегемоты. Только белки, грифы, змеи да насекомые не таились от нас.

Шлагбаум поднимается. Путь в лесное царство открыт. Та же узкая латеритная дорога, те же осыпанные красной пылью кусты по сторонам. Дорога пустынна. Лесовозы проходят по другому пути — здесь только легковые машины. Лес все глуше, и кажется, конца ему не будет. Если бы не красная пыль, можно подумать, что уже много лет, как здесь не было ни одного человека. Километров через тридцать, когда мы уже потеряли надежду добраться до цели путешествия, лес кончился. Сразу. И на широкой поляне показались корпуса комбината, коттеджи, теннисный корт и бильярд под сенью мангового дерева. Поляна изрезана асфальтовыми дорожками.

Все это напомнило какой-то затерянный город из романа Жюль Верна. Здесь, в глухой глубине африканских лесов, седовласый ученый роет шахту к центру Земли или готовит путешествие на Луну. Сейчас появится громадная машина, изобретенная в тиши кабинета близоруким чудаком...

Из-за поворота дороги доносится могучее рычание мотора. Навстречу и в самом деле выезжает громадная машина. Она желтая, высотой с двухэтажный дом, и в неспешной уверенности ее движения чувст-

вуется мощь. За рулем — маленький африканец. Даже непонятно, как его слушается такая махина.

Эта махина — погрузчик стволов. То, что в Европе решается просто, здесь становится одной из самых сложных проблем. Ведь деревья достигают трех метров в поперечнике ствола. Соответственно велик и вес бревен. Не каждому автокрану под силу такой кругляк.

Мы подъезжаем к Управлению комбината, где на флагштоке развевается флаг, не похожий ни на один из знакомых нам флагов. Держава любит подчеркивать свою самостоятельность.

Мы опять сталкиваемся с несвойственной Гане строгостью, опять Энгманн, скрывая недовольство, заполняет анкеты и карточки. Наконец нас пропускают внутрь. В святую святых.

На комбинате Самребои два мира. Нигде в Гане мы еще не видели такого четкого деления. Мир коттеджей, теннисных площадок — мир шестидесяти англичан. И мир двух тысяч рабочих, живущих где-то за пределами тех мест, которые нам показали. Когда сопровождавший нас инженер говорит «мы живем», — это значит, он говорит о шестидесяти белых. Мы спрашиваем, не чувствуют ли себя работники комбината оторванными от остального мира. Он отвечает: «У нас два клуба с теннисными кортами и бильярдами». Это тоже только о шестидесяти, а не о двух тысячах.

На комбинате стоят новые машины, на комбинате делают то, что не делают нигде больше в стране, — высококачественную фанеру из красного дерева. Но все, вернее, почти все, что там производится, уходит за границу — в порту Такоради перестает существовать для Ганы.

На комбинате нас встретили очень вежливо, но сдержанно. Это был один из немногих дней в Гане, когда мы чувствовали себя не то чтобы во враждебном, но не в дружественном стане. Чувствовал это и Энгманн.

И когда лесная страна скрылась за высокими, еще не срубленными красными деревьями, разговор

возвратился к тому, как лучше использовать лесные богатства Ганы.

— Перед нами задача — оторваться от гнета какао и создать другие резервы, — говорит Энгманн. — Вот если мы наладим экспорт леса, то это еще один шаг к укреплению экономики страны. Правда ведь?

Мы, конечно, согласны с Энгманном.

— Но просто увеличить вывоз леса — еще не выход, — говорит Антонов. — Ведь сейчас лес уходит в основном в виде бревен.

— Правильно. Значит, мы будем строить еще и еще комбинаты вроде Самребойского. Только наши, ганские. И фанера у нас своя будет, и шпон сможем экспортировать. Тут и экономия древесины, и за шпон нам заплатят дороже.

Энгманн замолкает. В окно машины влетает клуб красной пыли. За разговором не успели задраить все окна и въехали в шлейф встречного пустого лесовоза. Когда пыль в машине разрежается, заметно покрасневший Энгманн продолжает:

— У нас часто возникают трудности с землей, с использованием лесов.

Земля в Гане, как мы знаем, принадлежит вождям племен, и они вольны делать с ней все, что им заблагорассудится. Вожди отдают ее в аренду всевозможным лесопромышленникам, которые вырубают красное дерево, не принимают никаких мер, чтобы восстановить порубки, и оставляют после себя участки искаженного обедненного леса. Да и сами племена, которые еще практикуют подсечное земледелие, сводят ценные породы, а когда переходят на другие места, на покинутых полях вырастают лесосорняки, не годные ни для какого промышленного использования. Площадь лесов в Гане постоянно уменьшается, и леса беднеют.

Существует в стране несколько лесных резервов. То есть тех участков, где государство может контролировать рубки.

Если такой участок сдается в концессию, государственные чиновники отмечают там деревья, которые

можно вырубать, причем не только красное дерево и другие ценные породы. В зависимости от числа и ценности деревьев концессионер и платит государству. Однако концессионер часто предпочитает оставить на месте менее выгодные для него породы, чтобы не тратить денег на вывоз. Но и эти резервы, разбросанные по всей стране, занимают куда меньшую площадь, чем земли племенные.

Управление лесного хозяйства старается заставить промышленников осваивать новые породы деревьев. Ведь многие из них, не уступая красному дереву, пользуются меньшим спросом из-за того, что о них мало знают. Вот и получают ящики из красного дерева. Его рубят, рубят активно, а другие деревья остаются в лесах.

И Энгманн, и работники лесного управления, и мистер Смит — ярые сторонники организации государственных леспромхозов и лесопилок, где бы можно получать большое количество древесины для промышленных и строительных целей и «не забивать гвозди золотыми часами».

А там, в перспективе, видятся и целлюлозные комбинаты, и бумажные фабрики, и многое другое. Но пока все это — дело будущего. Леса еще толком даже не исследованы.

АШАНТИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Иногда непонимание возникает от нежелания понять.

Потом можно разводить руками и уверять, что тебя плохо информировали, что ты ничего плохого не имел в виду, что ты не знал.

А почему не поинтересовался? Может быть, не хотелось?

Центр Ганы занимает область под названием Ашанти. Еще до того как англичане, голландцы и шведы накрепко обосновались на Золотом Берегу, там было создано государство, объединившее родственные племена лесной полосы. И если англичанам удалось довольно легко покорить раздробленные племена побережья, с ашантийцами дело обстояло значительно труднее. Долгое время колонизаторы не могли ничего поделать с независимым государством. Они вели с Ашанти несколько войн, но все безуспешно. И так продолжалось до самого конца прошлого века, до того времени, когда англичане почувствовали себя достаточно сильными в Африке, чтобы разделаться наконец с непокорной страной.

В Ашанти из-под стражи сбежал преступник. Он скрыл от правительства золото, которое было у ашантийцев государственной собственностью. И когда его решили наказать — сбежал. Сбежал к англичанам, обосновавшимся на побережье.

На Золотой Берег была послана ашантийская делегация с просьбой выдать преступника властям.

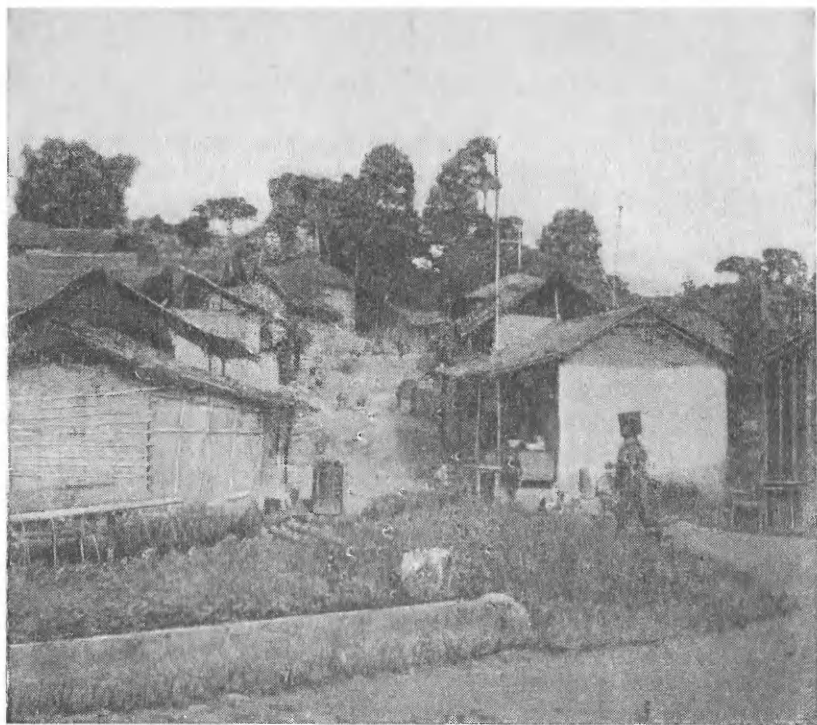
Делегацию допустили к губернатору. Вежливо поклонившись, глава ее вручил губернатору позолоченный топор.

Губернатор, как свидетельствуют историки, начал рассуждать так: «Топор. Оружие. Убивать. Мне грозят. Грозят в моем лице всей Англии. Я им покажу». И так далее.

Губернатор, конечно же, мог знать, что топор у ашанти — символ мира. И вполне понятный символ лесного народа. Означает он вот что: «Давайте возьмем топоры и прорубим дорогу взаимопонимания в лесу наших противоречий». Но губернатор не хотел знать. Его интересовало другое. Ведь немцы уже захватили Того и шли на север, покоряя племена, на которые метили англичане. Ведь французы поджимали с запада и севера. А путь англичанам преграждало независимое государство. Богаты земли и леса Ашанти! Широки и богаты земли саванн на север от них! И все пошло по проверенным и давно известным канонам колониального захвата. Английские историки, даже когда хотят быть объективными, в такой момент не выдерживают. «Роты Черной стражи с развернутыми знаменами и медью оркестра прорвались к столице ашанти — городу Кумаси», — пишет один из них.

А прорываться и не приходилось. Ашантийские солдаты, вооруженные устаревшими ружьями, не выдерживали огня горной артиллерии. Превосходство англичан оказалось подавляющим. Это была не война, а избиение. Столица была оставлена жителями. Развернутые знамена развевались в пустом, покинутом всеми городе.

После этой кампании ашантийцы уже не могли препятствовать английскому проникновению на се-

Деревня под Кумаси

вер. На них наложили огромную контрибуцию, и в Кумаси поселился английский резидент с солидной охраной.

Однако король остался у власти — превращение страны в колонию не входило пока в планы англичан. Это потребовало бы дополнительных войск и средств, которые были нужны в других местах. Окончательное присоединение Ашанти произошло позднее, при обстоятельствах, стоящих того, чтобы о них рассказывать.

1896 год. Страна Ашанти окружена. Англичанам теперь нужен только предлог. Ашантийцы же стараются, не давая такого предлога, найти где-нибудь справедливость. В конце концов надо же на что-то надеяться, если свои силы явно недостаточны, а союз-

ников среди соседей не найти — кто покорился, кто разгромлен.

И часто, очень часто в истории люди надеются на доброго царя. Уж он-то разберется. В который раз угнетенным хотелось надеяться, что во всем виноваты злые, несправедливые чиновники, что есть справедливый, но плохо осведомленный монарх.

И ашантийцы решают послать делегацию с жалобой на губернатора и военных к самой английской королеве.

— Ах, жаловаться! — возмущаются чиновники.

И вот найден предлог, чтобы покончить с Ашанти. Ведь уже подошли войска и пора уничтожить бельмо — независимое государство в самом центре английской колонии.

А посольство тем временем все-таки уехало...

Немедленно в Кумаси направили ультиматум (и чего только в нем не было), а тем временем к столице уже двигались войска. Не дай бог, ашантийцы успеют согласиться на требования ультиматума!

Опять захвачен Кумаси.

Под барабанный бой на площадь приглашается король, королевская семья и все сановники королевства. На переговоры.

Переливаются лиловыми и оранжевыми красками кенте вельмож, в молчании занимают они места на площади. Что теперь будет? Каких новых контрибуций потребуют завоеватели, руководители карательной экспедиции против государства, посмевшегося послать посольство к главной колонизаторше и виновного в том, что расположено в таком месте, где оно мешает англичанам, что слишком богато землей, какао, лесом и золотом?

— Немедленно заплатите задолженность по контрибуции, — говорит офицер королю.

— В казне всего семьсот унций золота. Денег, которые хочет забрать у нас Англия, не существует. Подождите, пока мы соберем их.

— Но ведь вы послали посольство. Билеты на пароход стоят дорого. Вы пытаетесь скрыть деньги от английской казны.

— Никто не пытается. Все знают, что для сбора денег на посольство был введен специальный налог. Страна разорена...

И тут произошло то, чего никак не могли ожидать воспитанные в понятиях чести ашантийцы. Они не читали истории завоевания Индии и Бирмы, они не знали, что, какие бы деньги они ни собрали, участь их была решена уже несколько лет назад далеко отсюда, в Лондоне.

Командир англичан поднял руку, встал писец и прочел заранее заготовленную бумагу:

«Король, королева, отец короля, два дяди короля, брат короля, оба военачальника, короли дружественных Ашанти племен мампонга, эджиси и офинси берутся пленниками и увозятся в тюрьму, где с ними будут обращаться с должным уважением».

Это было как удар молнии. Ловушка. Неслыханное предательство. Но по всей стране стоят английские гарнизоны, войска короля разоружены, а те, что успели скрыться в лесу, помочь не могут.

Королевскую семью, после того как она провела некоторое время в заключении в крепости Эльмина, выслали подальше, на Сейшельские острова.

Был разрушен королевский мавзолей. Искали золото. Саперы взрывали священные деревья и храмы.

Англичане старались пресечь все возможные выступления ашанти, пресечь их в корне. Заранее. Потому-то изолировали не только короля, но и всех его родственников, всех влиятельных в королевстве людей.

Тут они не ошиблись. Они изучили обычаи и историю ашанти. Они знали, что король не только вождь, но и символ единства страны, живой бог ашанти, связующее звено между живущими, умершими и теми, что родятся впоследствии. Колонизаторы изучили и религию ашанти. И стали искать золотой трон.

Почему золотой трон?

Когда боги послали на землю золотой трон, они нарекли его главной святыней ашанти. Нет ничего ценнее для ашанти на свете, чем золотой трон.

Каждый вождь племени в Гане имеет трон — обычно деревянную резную скамью. Это его личный трон, символ его власти. Когда умирает вождь, вместе с ним хоронят и его трон. Новый вождь заказывает себе новый трон.

Но золотой трон ашанти — другое. Он — общенародная святыня. Он остается с народом на веки веков. В нем заключена душа всех ашантийцев.

Каждый король имеет свой трон, но народ ашанти — золотой трон. Пока есть трон — есть знамя, под которым могут сплотиться ашантийцы для дальнейшей борьбы.

Англичане перерыли всю страну в поисках золотого трона и не нашли его.

И тут историки зафиксировали еще одну ошибку.

Да, историки называют то, что произошло через четыре года после покорения страны, ошибкой.

Четыре года властвуют англичане, четыре года страна сопротивляется. Колонизаторы не чувствуют себя господами — все помнят их предательство. Англичанам становится известно, что среди ашантийцев зреет восстание.

И происходит ошибка.

Честно говоря, я не верю, что это была ошибка. Больше всего это похоже на то, что в наши дни называют провокацией.

В Кумаси приехал новый губернатор. Он собрал вождей племен уже лишенной центральной власти страны (первое, что сделали англичане, — объявили, что народа ашанти больше не существует, а есть только отдельные племена, ничем не связанные, каждое из которых подчинено английскому губернатору) и сказал им примерно так: «Я здесь представляю для вас всю власть. Я — лицо, облеченное доверием Ее Величества королевы. Поэтому я должен быть для вас тем же, чем был ваш король. Но вы обратите внимание, на чем я сижу. Я сижу на простом кресле. Как могло случиться, что мне не принесли золотого трона, мне — самому главному вашему властелину? Принести немедленно золотой трон!»

Вожди молчали.

— Вы слышите, что вам говорят! Немедленно исполнить!

Вожди поднялись и, не говоря ни слова, вышли из комнаты.

И теперь историки говорят, что это была ошибка и губернатор не знал обычаев ашантийцев. Никто никогда не имел права сидеть на золотом троне. Никто никогда не мог потребовать — ни один король, ни один жрец, чтобы ему разрешили воссесть на душе народа. Золотой трон сам возлежал на специальном кресле рядом с тронном короля. Это знал каждый ашантиец, это знали все племена и народы Золотого Берега и Северных территорий, об этом знали и путешественники, и миссионеры, и чиновники колониальной администрации. Но почему-то об этом не знал английский губернатор.

Впрочем, он знал, что нужно было добить ашантийцев, нанести им такой удар, от которого они не скоро бы оправились. На следующий день страна восстала.

Губернатор и его свита едва успели укрыться в крепости.

Началась последняя война за независимость. Безнадежная война для припертых к стене.

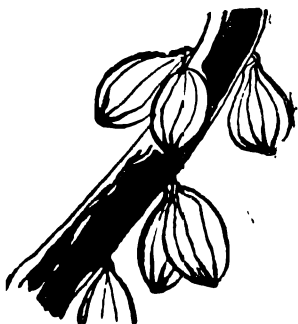
Она продолжалась недолго. Англичане подтянули войска с побережья, подвезли побольше артиллерии. Восстание подавили.

И все-таки золотой трон, несмотря ни на что, не достался англичанам.

Недавно английская королева приезжала в Гану с визитом. Ее встречали как равную, встречали вежливо, как и полагается принимать главу другого государства.

В честь королевы ганские вожди собрались на дурбар — большой праздник, парад с танцами и музыкой.

Во главе процессии шел самый главный из вождей Ганы — король ашанти, ашантехене. Перед ним на специальных носилках несли золотой трон, на котором так и не удалось посидеть ни одному из губернаторов.

САМОЕ ЦЕННОЕ

Все тот же лес. Он начался у самого побережья и тянется на сотни километров к северу, покрывая зеленым одеялом страну Ашанти.

Не зря англичане стремились покорить ашанти. Ведь в лесах скрыты огромные сокровища. Почти все, чем богата Гана, добывается или выращивается там. Золото. Почти все золото — в Ашанти. Алмазы. И алмазы — в Ашанти. И бокситы, и марганец.

А над страной Ашанти — серое, дождливое небо, густой туман путается в громадных стволах и не может вырваться из лиан до самого полудня. Осадков здесь вдвое, втрое больше, чем на Золотом Берегу, и во много раз больше, чем на севере.

Вдруг лес меняется. Наверху, над головой, все те же кроны, но на нижнем ярусе — изменения. В тени лесных великанов стоят деревья ростом с яблоню, с широкими листьями. К стволам их прилепились небольшие дыньки.

— Какао, — говорит Энгманн. — Мы въезжаем в область какао.

Так вот оно, какао!

— А где сами плоды? Неужели эти дыньки?

Энгманн так поражен нашим невежеством, что нам становится неудобно.

— Да, бобы какао растут не на ветвях.

Какао не образует никаких правильных плантаций. Деревья растут сами по себе и требуют самого минимального ухода. Одно только — они не терпят

прямого солнечного света, а потому должны прятаться в тени больших деревьев.

Удивительная это вещь — путешествие растений.

Иногда мне кажется, что Колумб не привозил из Америки картофеля. Какой уж он американский — картофель. Илье Муромцу куда сподручнее съесть тарелку горячей картошки, чем американскому индейцу. Я знаю, что не прав, — на самом деле картошка у нас, хоть и давнишняя, а все-таки гостя. Но так уж бывает, что растениям порой приходится объехать с полземного шара, пока они обретут свою настоящую родину. Как будто господь бог, создавая мир, недосмотрел и закинул семена некоторых растений не по назначению. Людям пришлось исправлять его ошибки.

Меньше чем сто лет назад один житель Золотого Берега, который работал на островах Фернандо По, привез в Гану семена какао. Выросли первые деревья. Какао прижилось в стране. И теперь, когда говорят «какао», — вспоминается Гана, крупнейший поставщик этой культуры. Англичане всеми мерами способствовали разведению какао — как-никак это был один из основных источников долларовых поступлений в английскую казну (львиная доля ганского какао потреблялась в США).

Теперь, когда в Гане существует центральное управление по сбыту какао, «коричневое золото» стало источником валюты для государства. Какао идет и в Англию, и в Америку, и к нам, в Советский Союз. А в обмен на него Гана получает машины, оборудование и другие товары. Как уже говорилось, какао составляет больше половины ганского экспорта, от цен на него зависит очень многое — и благосостояние производителей его (а в Гане это чуть ли не половина населения) и финансовое положение страны.

Какао до сих пор вывозится в необработанном виде. Бобами. Шоколад в Гане английский или швейцарский, и стоит он дороже, чем в Англии или Швейцарии. Была в Гане построена одна фабрика по обработке какао-бобов, но и она законсервирована — не выдержала конкуренции с европейскими фирмами.

А машина идет дальше. Мы уже присмотрелись к какаовым деревьям, и глаза ищут чего-нибудь нового.

И находят.

Лес расступается, и по обе стороны дороги открывается лунный пейзаж. Густо и однообразно, до самых холмов на горизонте, земля покрыта кратерами и цирками. Сходство так поразительно, что не веришь глазам. Сквозь туман пробиваются мелкие капли утреннего дождика.

Почти все кратеры пусты. Только подалее, метрах в двухстах от дороги, копаются в них полуголые люди.

— Здесь алмазные прииски, — как всегда вовремя приходит на помощь Энгманн.

Никто из нас не представлял себе алмазные прииски в виде лунного пейзажа.

— Если не боитесь дождя...

— Конечно, не боимся.

Вблизи оказывается, что лунный пейзаж не так уж и лунен. Между кратерами и цирками вылезают пучки травы и отдельные кусты. На дне некоторых кратеров собралась вода — мутная, серая. Каждый такой кратер — шахта. Но глубиной она всего с полметра. Алмазы лежат у самой поверхности. Сходство с лунными цирками объясняется тем, что землю выкидывают во все стороны и она ложится валиком вокруг ямы.

Каждая яма имеет своего хозяина, своего промышленника. Вот один из них устроил перекур и сидит на краю своей «шахты». При виде гостей он поднимается. На лице ни тени улыбки. Он смотрит настороженно, словно мы можем что-то отнять.

Энгманн обращается к нему на языке тви. Тот не понимает.

— Нигериец, — объясняет Энгманн.

Из-за куста подходит еще один старатель. Ганец.

— Вы работаете на себя?

— Я-то нет, — отвечает ганец, — я на хозяина.

А вот мой сосед (кивок в сторону хмурого нигерийца) — сам на себя.

— А где ваш хозяин?

— В городе, у него магазин.

Нигериец, докурив, возвращается к своей яме. Ганец не спешит.

— И много алмазов находите?

— Я меньше, он (опять кивок в сторону нигерийца) — больше.

Ганец достает из пузырька на поясе пару тусклых камешков, чуть больше песчинки каждый.

— Вот они, алмазы.

— А больше бывают?

— Бывают и большие.

— Надо ехать, — торопит Энгманн. — А то не успеем до темноты.

Мы прощаемся со старателями.

— С трудом верится, что алмазы лежат прямо так, под дерном у самой дороги.

— Крупным компаниям невыгодно разрабатывать такие месторождения. Поэтому они достаются старателям. По некоторым местам проходят уже второй раз. Когда-то выбрали камни, годные для огранки, теперь добирают мелочь, нужную в промышленности. Ведь сто лет назад технические алмазы никого не интересовали. Правительство сдает участки на этих приисках в аренду, — говорит Энгманн.

— И много желающих?

— Не знаю. Но посмотрите — несмотря на дождь, везде люди.

— И многие сами трудятся на своем участке?

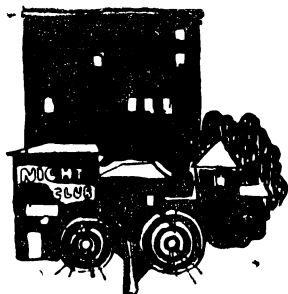
— Сами работают обычно нигерийцы, которые приходят сюда на заработки. А ганец, если он набрал денег на лицензию, чаще нанимает рабочего или даже нескольких рабочих. А сам остается в городе.

— И сколько здесь зарабатывают?

— Нигерийцы обычно возвращаются через пару лет домой с деньгами. Они ведь день и ночь трудятся — дома семья осталась, надо скопить побольше. А если ты достаточно богат, чтобы купить лицензию да еще нанять рабочих, — с каждой лунки прибыли несколько меньше. Но только не думайте, что хозяин остается в накладе. Рабочий обязан сдать опре-

деленный минимум камней — уже это гарантирует хозяина от убытков. Сколько бы ты ни копался на собственном участке, все равно заработаешь меньше, чем тот, кто нанял людей и сидит в городе.

Севернее алмазы добывают по-другому, там крупные иностранные компании. Но нам туда не попасть. Они и ганцев не очень допускают на свою территорию. Там тоже государства в государстве.

КУМАСИ НОЧЬЮ

До Кумаси добрались глубокой ночью.

Весь вечер в темноте появлялись и снова таяли шахтерские поселки. Почти каждый из них — «лесное царство». Золото, бокситы, алмазы, марганец... И каждый раз дорога проходила по главной улице поселка. Мы не останавливались, но из машины видны рабочие, идущие из шахт. Рабочий класс Ганы. В них, усталых людях, не спеша идущих группами по обочине шоссе, таится неизбежная гибель «царств». Уже теперь в шахтерских поселках самые сильные в стране профсоюзы, здесь уже рушатся последние устои племенной рутины.

Пока еще рабочий класс Ганы малочислен. Шахты, несколько фабрик в Аккре и Такоради, лесоразработки... Но через пять лет он должен удвоиться. Тут уж ничего не поделаешь. Страна развивается, растет, и с ней вместе растет рабочий класс. Уже сейчас Гана, несмотря на всю свою отсталость, разви-

та больше, чем любая другая страна Тропической Африки. Уже сейчас многие труженики организованы в профсоюзы, во главе совета которых стоит тридцатилетний Теттега.

Жалко, что нам не удалось познакомиться с ганскими шахтерами. Но в задачу группы посещение шахт не входило. Остановиться же по пути и попроситься визитерами не было никакого смысла — нам еще в Аккре рассказывали наши специалисты, каких трудов стоило устроить такое посещение. Компаниям приятнее вершить дела в уединении.

Итак, Кумаси.

Столица Ашанти открылась неровными скоплениями огня и мокрым асфальтом улиц.

Много ли рассмотришь в городе поздним вечером? Особенно если начисто незнаком с его дневным лицом, даже и не представляешь, чем он окажется завтра. Только почерпнутые из книг цифры да кое-какие сведения: «Кумаси — второй по величине город Ганы», или: «В Кумаси недавно открылся Университет имени Кваме Нкрумы», или: «В Кумаси самый большой в Гане госпиталь».

Смит уже заказал номера в гостинице. Хорошо, когда о тебе заботятся. В Гане с гостиницами очень и очень туго, даже в столице всего три современные гостиницы — это на город с почти полумиллионным населением. Номера надо заказывать за две недели вперед, а так как никогда нельзя знать твердо, когда ты вылетишь из Москвы, то прибыв в Гану, советские специалисты тратят первые дни на то, чтобы раздобыть комнату.

Но в конце концов выручает звонок из «центра», «оттуда». Это ведь всемирный закон — у администратора в запасе есть пара номеров на самый крайний, пожарный случай.

И вот мы ждем утра. Чистые, отмытые от четырехсот километров дороги. Окно открыто, и за ним улица, шум незнакомого города. Ганские города поздно укладываются спать. Все-таки великая сила — электричество! В деревнях, где мы недавно проезжали, уже давным-давно все замерло. Тишина. Только

иногда мелькнет в дверях оранжевый отсвет керосиновой лампы. А Кумаси кипит.

Правда, Кумаси не совсем обыкновенный ганский город. Центр золота, центр алмазов и какао притягивает многих. Здесь и старатели, которых мы видали сегодня, и хозяева плантаций, и всякие темные людишки, которые греют руки там, где много случайных денег и слепого счастья. Напротив гостиницы — ночной клуб, и до четырех утра оттуда несется громкая, рваная музыка, а потом, с четырех до пяти, у дверей затеваются шумные ссоры.

Когда говорят о бывших колониях, о молодых странах Азии и Африки, часто упрощенно представляют их жизнь. Создается впечатление, что жители этих стран бедные, до недавнего времени угнетенные, а ныне свободные и дружно строящие свое счастье люди.

И у меня было такое впечатление. В общем правильно. Я повторяю, что согласен с Энгманном. Когда смотришь вокруг — лучше присматриваться к росткам будущего, чем к остаткам прошлого.

Но ведь и ростки будущего бывают разными. Образование и здравоохранение, рост рабочего класса и промышленности, развитие сельского хозяйства, переход промышленности в руки ганцев — все это вызывает к жизни не только повышение всеобщего благосостояния. Сегодня ганский капиталист объективно прогрессивнее капиталиста английского, так как его интересы в общем совпадают с национальными интересами страны. Но чем дальше, тем острее классовая борьба, тем глубже раскалывается страна на классы. Сейчас еще слаб рабочий класс, слабы и его антагонисты. Но и они набираются сил и опыта и кое-кто из них уже сознает, что у него больше общего с банкиром из Сити, чем с шахтером из Обуási.

В Кумаси, отошедшем от феодализма больше, чем любой другой город страны, не считая столицы, этот процесс зашел уже довольно далеко.

Пока город спит. Только горит огонек на подносе мамми, которая никак не соберется домой. Она все еще надеется на случайных покупателей. Покупатели.

правда, находятся. Раз в полчаса остановится прохожий и купит у нее сигарету или очищенный апельсин.

Где-то неподалеку, за черными громадами еще незнакомых домов, скрывается университет. Наверно, не спит госпиталь. Уже запускают машины на лесопилках, которых много вокруг города. Проехал грузовик, полный бутылок с пивом. Значит, не спят и на пивоваренном заводе. Разумеется, не спят на электростанции. Три огонька — пролетел самолет. Не спят и на аэродроме. Город только делает вид, что спит. Он как человеческий мозг — всегда бодрствующие клетки, всегда, хоть и не так активно, как днем, вспыхивают невидимые молнии мыслей.

Так же ведет себя ночью Москва или Лондон, или Рангун. И сейчас, когда не видны ни пальмы, ни одежды прохожих, когда не жжет беспардонно солнце, можно допустить, что ты никуда не уезжал из России. Ночные звуки города знакомы и привычны. Даже ждешь, скоро ли выйдут на улицу дворники.

И невозможно заставить себя мыслить на экзотический лад. Сюда не доносятся крики птиц и рычание леопарда (впрочем, не знаю, рычат ли леопарды. Может быть, они очень молчаливые кошки). Конечно, если специально ехать за экзотикой, то найдешь ее. Некоторые внешние ее атрибуты существуют. Ведь можно поехать за экзотикой и в Россию — там, говорят, по улицам бродят белые медведи и мужики носят на ногах сандалии, сплетенные из коры.

А ведь правда, можно у нас найти белого медведя — где-нибудь в трехстах километрах западнее Диксона. Я сам знаю одного деда, который может сплести лапти, хотя их и не носит. Так же в Гане. Только там, если сравнивать до конца, белые медведи еще ходят по околицам деревень, а лапти, хотя и не в моде, но часто еще используются в хозяйстве. Представьте себе английского, к примеру, туриста, который приехал к нам в двадцать втором году и заявил, что ему интереснее всего поглядеть на лапти. Мы бы обиделись. Так же обижаются ганцы. Впро-

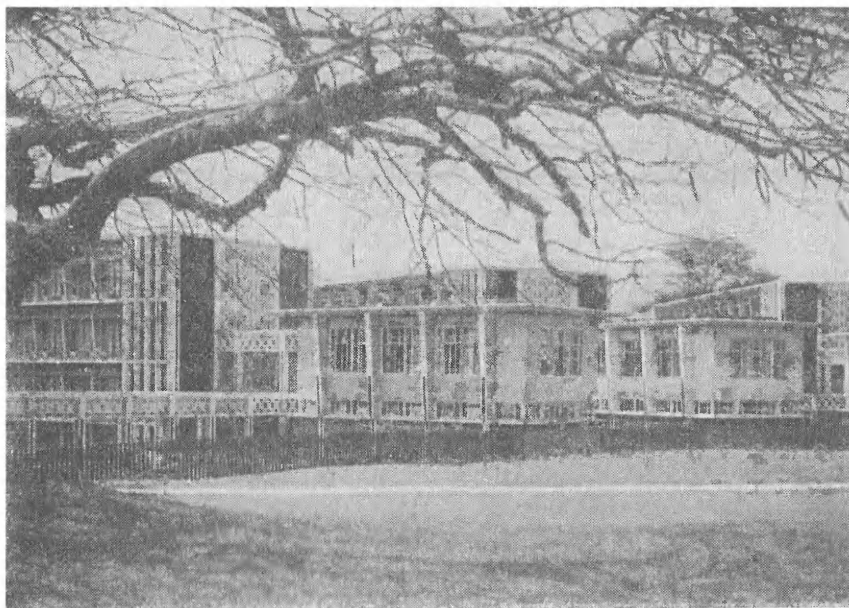
чем, я об этом уже писал, мы обсуждали эту проблему с Энгманном. Но почему-то ночью в Кумаси, в самом центре еще два месяца назад совсем незнакомой мне страны под названием Гана, снова думаю о том же. Может быть, борюсь с самим собой. Иногда так хочется оказаться в Африке своего детства, где львы хвостами ударяют о ребра и отряд черных воинов, украшенных перьями, выходит на охоту за головами.

Африка! Таинственная и далекая. Африка, пришедшая в наше детство через вторые руки — через руки людей, которые прибирали ее к рукам... А ведь сегодня перед тем, как разойтись по комнатам, мы успели сыграть блиц-турнир, и Энгманн второй раз стал чемпионом группы по шахматам. А потом мы обсудили завтрашний день — университет и госпиталь. И Энгманн обещал выкроить время для музея. Король по имени Экзотика умер! Да здравствует Республика!

Кумаси просыпается. Давно мне спать пора, но я еще подожду, пока не рассветет настолько, чтобы можно было рассмотреть, что за дома окружают меня, что за улица дала нам приют.

Первый автобус прогромыхал под окном. Как он называется? «Я — ганец!» Разве не прекрасно для первого утра в Кумаси?

Светает быстро, на глазах, как будто кто-то включил реостат. Легкий утренний туман сглаживает дома. Трехэтажная улица убегает под гору. Под углом к ней — другая, такая же. Кумаси, видно, обещает быть более компактным городом, чем Аккра. Улица, на которой мы живем, — торговая. Над дверьми магазинов — индийские имена владельцев. И арабские. Вот хорошее название для магазина — «Серафим и сыновья». Интересно, какой он из себя, Серафим? Толстый, спокойный, гладкий? А его сыновья? Они еще не успели растолстеть, ездят на гоночной машине, отсиживают положенное в ночных клубах и помогают папе считать выручку. Торговля в стране в основном не в ганских руках. Индийцы, ливанцы, сирийцы, а в более крупных фирмах — англичане.

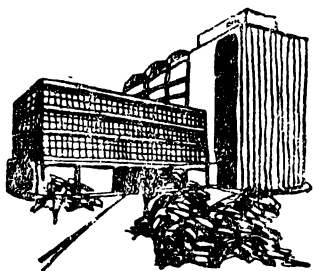

Училище медсестер в ашантийской столице

швейцарцы, греки. Так повелось еще при колониальном режиме.

Торговцы — предусмотрительный народ. Они уже за несколько лет до того, как Гана стала независимой, начали поддерживать национально-освободительное движение. Им-то все равно, кто у власти, лишь бы деньги шли. А деньги идут. Денег в Гане больше, чем в других странах Африки. Второсортное европейское добро привозится в Гану и распродается с хорошей прибылью. Торговцы жирны, бесстыдны и обходительны. Они отлично лавируют между постановлениями молодого правительства. Если правительство поднимает пошлины на предметы роскоши, поднимаются цены и на предметы первой необходимости. Торговцы не остаются в накладе.

А теперь спать, спать. Через два часа Марат начнет стучать в дверь и уверять меня, что я проспал все на свете.

КУМАСИ ДНЕМ

— Совсем недавно, то есть когда вы приехали к нам, у нас не было ни одного университета. А теперь два.

Этими словами Энгманна начался очередной день. Мы забрались в машину.

— Я не буду останавливаться у музея и зоопарка. Туда можете сходить после обеда, без меня. Теперь вы привыкли к Гане и спокойно продолжите путешествие. И я буду спокоен — с вами ничего не случится. Вы — почти ганцы.

После обеда Энгманну придется вернуться в Аккру — его вызвали телеграммой. А пока мы едем в университет. И я позволю себе отвлечься, чтобы рассказать немного о проблемах образования в Гане.

Первые школы на Золотом Берегу были созданы миссионерами. Школ было немного, и они мало чему учили ребят. Священному писанию, грамоте (английской или немецкой) — вот, пожалуй, и все. Миссионерские школы не ладили между собой и тянули учеников к разным изданиям христианского бога. И по сей день в Гане существует множество церквей и сект. Потом появились школы частные и школы, созданные на средства прогрессивно настроенных вождей. Потом — и колледжи. Но всего этого было так мало! Да и уровень образования был исключительно низок. Максимум, на что мог рассчитывать ганец, получивший образование дома, — на место мелкого клерка или школьного учителя. Но школ новых почти не строилось, а места клерков уже были заняты.

И получился парадокс. Одна из английских комиссий, созданная для обследования положения в колонии Золотой Берег — этой почти абсолютно неграмотной стране, писала губернатору: «Образованных юношей некуда пристраивать, за исключением мест учителей и клерков... И поэтому результаты образования, приятные сами по себе, весьма нездоровы. Результаты были бы лучше, если бы детей обучали хоть каким-нибудь начаткам полезных технических знаний».

За сто лет, прошедших со дня написания этого отчета, ничего не изменилось. Так же выходили из стен колледжей умеющие читать и писать по-английски негритянские юноши и не находили ровным счетом никакой работы. Так же беспокоились всевозможные комиссии. Ведь если ты научился читать, то можешь прочесть что-нибудь неположенное, а если умеешь писать, то можешь что-нибудь тебе неположенное написать. И вместо того чтобы открыть новые школы, научить новых юношей (о девушках тогда и разговора не было) не только грамоте, но и «полезным техническим знаниям», колонизаторы предпочитали оставить все, как прежде.

А за пределами больших городов царила абсолютная, беспросветная неграмотность без какой бы то ни было надежды на улучшение.

И так вплоть до освобождения, до пятидесятих годов. Те немногие, кто все-таки имел высшее образование, получили его в Англии. Но это были дети из наиболее привилегированных слоев населения, дети вождей и клерков, что выслужились до середины административной лестницы (выше путь людям с темной кожей был закрыт). Но и среди вернувшихся из Англии не было врачей, инженеров, агрономов — тех, в ком более всего нуждалась страна.

И вот перед новым государством встала задача — во-первых, немедленно подготовить свои кадры во всех областях науки и техники и, во-вторых, научить читать и писать людей, которые никогда в жизни не сталкивались с печатным словом. По этим двум путям и развивается образование в Гане.

Вторая задача, несмотря на поголовную неграмотность населения, оказалась проще, и решение ее заняло меньше времени, чем думали даже самые уверенные из оптимистов. Этому помогло то, что за последние годы в Гане произошел огромный скачок в политическом и социальном развитии людей. Ганцы знают, что теперь они живут в независимой стране, что ее будущая судьба — в их собственных руках.

Всю страну захватило движение — «умеешь читать и писать — научи других». И по стране пошли добровольцы.

Наверно, так было в первые годы Советской власти — курсы по ликвидации неграмотности, бородатые крестьяне за азбукой. В Гане, правда, крестьяне не бородаты, но училась страна запоем. Мы сами видели на севере группу крестьян в деревне, которые нараспев повторяли слова за мальчишкой-учителем. Мальчишка был серьезен до предела — среди учеников сидел вождь деревни. Это тоже — своего рода революция.

А потом ганцы начали строить школы самостроем в каждой деревне. И пускай эти школы не очень отличаются от других хижин, но это школы, правда, пока часто без настоящих учителей.

Чиновник из Министерства просвещения, которого мы встретили в Тамале, сказал:

— Вы представить себе не можете, сколько прибывает в министерство писем с требованием прислать учителя. А откуда мы возьмем? Мы, конечно, стараемся...

Правительство Ганы отменило плату за обучение и ввело обязательное начальное обучение. В общем, в этой области дела идут полным ходом и первые результаты уже налицо.

Что касается подготовки технических и научных кадров, то здесь добровольцы не помогут. Но и эта проблема решается. Вы ведь не раз встречали африканских юношей на улицах Москвы? Да, в Университете имени Лумумбы, в Московском университете и других вузах Советского Союза учатся будущие ганские инженеры и ученые. Их можно встретить и в

Праге, и в других европейских городах. Если раньше учиться можно было только в Англии, то теперь студенты-ганцы учатся во многих странах.

Да и в самой Гане можно получить высшее образование. Недавно колледжи в Аккре и Кумаси были превращены в университеты. Туда приглашены лучшие научные и преподавательские силы Ганы, приглашены ученые из других стран. Надо спешить.

Вот мы у входа в университет Кумаси, в Университет имени Кваме Нкрумы. Здания университета так широко разбросаны, что проезжаешь несколько сот метров по дорожкам, прежде чем достигнешь ректората.

Ну, конечно, заместитель ректора оказался другом Энгманна и его однокашником. Как же иначе? То же поколение. Мы сидим в кабинете, увешанном графиками успеваемости и расписаниями экзаменов, и вдруг я начинаю молодеть. Я начинаю робеть. Уж не вызвали ли меня сюда за какую-нибудь провинность? Мне кажется, что я уже бывал в этой комнате, и воспоминания не очень приятные.

Но друг Энгманна улыбается. Он не догадался, что я снова стал студентом. Он ведет нас к своей машине.

— Я покажу сначала наш строительный факультет.

Марат потом признался мне, что тоже оробел. Особенно остро почувствовал он себя студентом, когда мы попали в аудитории, где на стенах висели еще неумело отмытые перспективы и свернутые в трубки клаузуры лежали в углу, под столом.

Мы попали в университет в рождественские каникулы, и студентов в аудиториях не было.

Университет расположился в новых четырехэтажных зданиях, свободно разбежавшихся на зеленой поляне. В аудиториях приятно учиться — так там светло и просторно.

Встретившийся нам заведующий кафедрой строительной технологии сказал, что часть зданий проектировали студенты и преподаватели университета. Университет лишь четыре года назад стал колледжем и

месяц, как получил статус университета, а студенты уже приложили руку к настоящему делу.

Антонов и заведующий кафедрой сначала заспорили о преимуществах плоских или наклонных кровель, а потом, когда почуяли друг в друге настоящих специалистов, заговорили о методах подготовки студентов. Антонов в свое время преподавал в институте и имел собственную точку зрения на этот предмет.

Потребовались объединенные усилия Энгманна и его друга, чтобы растащить специалистов. Я не знаю, что потом говорил заведующий кафедрой, но Антонов до самого вечера поругивал сжатый график движения нашей группы, из-за которого пришлось прервать беседу на самом интересном месте.

Затем нас представили декану инженерного факультета. Декан сидел в маленьком, игрушечном, кабинете и разлиновывал ведомость. Он обрадовался гостям, как радовались все в том университете. И понятно — им было, что показывать.

Декан произнес речь, программную речь.

— Мы учим студентов думать,— начал он.— Пользоваться таблицами и класть бетон научить куда проще, чем научить мыслить. Мы-слить! Вы знаете, какие к нам приходят студенты? Неподготовленные. Студенты из школ, где не было хороших учителей. И мы должны из них сделать инженеров за пять лет. И сделаем. Не хуже, чем в других странах. Ребята толковые, только образования не хватает. Я не хочу сказать, что мы подготовим высококвалифицированных работников узкой специальности. Нет. Это будут средние надежные инженеры. А специализироваться они всегда успеют. Поэтому сначала они должны попробовать науку, пощупать, какая она из себя. Ведь они часто насоса не видели. Хорошо вам (это сказано почти с осуждением) — школьники у вас уже интегралы понимают. Но ничего. Пошли!

Декан всунул ноги в сандалии и быстро двинулся по открытой галерее. Мы последовали за ним.

— Вот,— сказал он, вводя нас в большую комнату.— Это одно из мест, где студенты учатся думать.

По стенам шкафы со справочниками и научными

журналами. На стене фотографии заводов, машин. Удобные стулья, несколько столов.

— Это не библиотека и не место подготовки домашних заданий. Сюда придет тот студент, который задумался над проблемой, захотел узнать о ней побольше. Мы, понятно, работаем над тем, чтобы он захотел. А уж если он пришел — мы его затянем глубже. Дадим тему интересную, еще чего-нибудь подсунем. И будет парень инженером! Будет! А теперь посмотрим лаборатории.

Декан почти бежит через лужайку к длинному одноэтажному корпусу.

— Вот здесь они проходят литейную практику. Здесь — сварочное хозяйство. Радиолоборатория. Электротехника. Гидротехника. Геология.

— Молодцы, — вырывается у Орлова.

Поняв по тону, что хотел сказать русский инженер, декан расплывается в улыбке.

— По кусочку собрали. Правительство ассигнования выделило, университеты из других стран подарили. Правда, хорошо у нас в университете? — неожиданно заканчивает декан.

— Хорошо.

— И будут инженеры?

— Будут.

— И я верю.

Напоследок нас привезли к общежитиям. К добротным общежитиям, с комнатами отдыха и фонтанами во дворах. И тут я встретил знакомого.

По двору шагал длинный худой парень с тонкими, не ганскими чертами черного лица.

— Ахмет?

— Здравствуйте, — обрадовался тот. — Вы как сюда попали?

Я рассказал о нашей поездке.

— А я вот теперь здесь, в общежитии живу. Сейчас каникулы, но мне-то некуда поехать. Иду играть в пинг-понг. Не хотите?

— Мы скоро уезжаем.

— Жалко. Ну, передавайте привет ребятам.

— Обязательно.

Ахмет идет играть в пинг-понг в общежитии ганского университета — это стало возможным только потому, что Африка совсем не та, что была десять лет назад. Ахмет — сомалиец. Он и еще человек десять из Сомали приехали учиться в Гану. Как ни трудно Гане создавать свои кадры специалистов, она не забывает о еще более отсталых странах Африки. В ганских университетах вы увидите студентов и из Верхней Вольты, и из Сьерра-Леоне, и даже из Сомали. Африканские страны помогают друг другу.

Я познакомился с Ахметом и его друзьями в Аккре, где они жили, пока не решился вопрос, кто куда поедет учиться. И вот через две недели я встретил Ахмета в Кумаси.

А ведь еще совсем недавно ганцы и не подозревали о существовании Сомали. Да и не могли подозревать, потому как и государства такого не было, а было три колонии, принадлежавших разным странам, колонии, где и языки официальные были разными — не сомалийскими, конечно, а европейскими.

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Мы впервые увидели Файорси, когда обедали, вернувшись из университета. Он вошел в зал, высокий, стремительный, с ярким итальянским шарфом на шее.

— Эрнст. дорогой, сколько лет!

Широким жестом он протянул руку Энгманну. Наш друг как-то потускнел рядом с элегантным Файорси.

— Все там же, трудишься? Ты меня не представил своим друзьям.

Энгманн обернулся к нам.

— Инженеры из Советского Союза. Мы совершаем поездку по стране.

— Из Советского Союза? В высшей степени приятно. Советские «спутники» произвели на меня неизгладимое впечатление. Я всегда мечтал познакомиться с русскими. Разрешите присоединиться?

Файорси присел за наш столик.

— Я думаю, Эрнсту следовало бы сказать, кто я такой. Не беспокойтесь, я вполне солидная личность, вот моя визитная карточка.

На карточке значилось:

«Файорси. Подрядчик. Объединенная строительная компания».

— Да, Файорси — один из крупнейших национальных подрядчиков Ганы, даже, пожалуй, крупнейший из молодых, — сказал Энгманн.

— Правильно замечено, что из молодых. Мне только тридцать, но уже есть чем похвастаться. Кстати, знаешь, откуда я еду? Из Суньяни. Там строю аэродром. А вообще только что из Италии. Изумительная страна. Какая культура! И замечательно меня встретили С итальянцами можно вести дело. Я объездил всю Италию. Флоренция, Падуя, Венеция, Болонья. И конечно, седой Рим. Так-так. А теперь о вас. Вы тоже собираетесь строить что-нибудь в нашей стране?

Пока Энгманн рассказывал о советской помощи, Файорси кидал на нас оценивающие взгляды.

— Так вам надо ко мне на постройку попасть. Обязательно, — сказал он, когда Энгманн замолчал. — У меня сейчас неплохой подряд на дальнем севере. Туда я и направляюсь дня через два. Энгманн может подтвердить, что я недурно разбираюсь в строительстве и покажу вам многое такое, что вам и не снилось. В корень заглянете.

Энгманн подумал и сказал:

— А впрочем, это не лишено смысла. Ведь вы все равно едете на север. Раз уж я не смогу поехать с вами — передаю вас на попечение Файорси.

— Вот и договорились. Мы еще встретимся сегодня вечером и обсудим детали. А пока считайте, что у вас одним другом в Гане больше. До вечера.

И Файорси исчез.

— Итак, вы познакомились с новым типом ганского предпринимателя, — сказал Энгманн. — Файорси сильно изменился за последние годы. Ведь мы с ним вместе учились в Англии. Но он предпочел делать деньги... Ну ладно. Значит, я с вами прощаюсь до Аккры. Строительные управления на севере предупреждены о вашем приезде. Файорси, надеюсь, тоже вас не забудет. Желаю счастливого пути. Очень жаль, что не смогу поехать с вами до конца.

Мы вышли проводить Энгманна к машине. Густая дневная жара висела над улицей. Темп жизни города замедлился.

— Ну, до свидания.

— До свидания, до встречи в Аккре.

«Оппель-капитан» разворачивается в тупике у гостиницы. Шофер Кофи, прощаясь, поднимает руку. Машина заворачивает за угол.

Мы отправляемся в ашантийский Культурный центр.

В Гане, насколько мне известно, два музея. Один в Аккре — центральный, второй в Кумаси — ашантийский. Аккринский музей нам уже хорошо знаком. Он небогат, но аккуратен и толков. Это музей типа краеведческого — предметы быта, отдел искусства Западной Африки, картинная галерея и мундир немецкого губернатора Того.

В Кумаси, в музее Культурного центра, разместившемся под навесами в маленьком дворике, те же деревянные троны и сандалии вождей, тамтамы и кенте, что и в столице, — только все в значительно меньшем количестве.

Музеи, как я уже говорил, небогаты. Но есть место, где искусство Ганы представлено широко и мно-

гогранно. Это Британский музей в Лондоне. Там, в длинных высоких залах со скрипучими полами, залах, куда столетиями свозились ценности со всего мира и в первую очередь со всего «британского мира», предметы искусства Западной Африки собраны в таком изобилии, что ими забиты до самого потолка многочисленные стенды. Жалко, что у ганских школьников нет возможности попасть туда на экскурсию для ознакомления с искусством своей страны.

Ганские народные мастера славятся резьбой по дереву и бронзовыми изделиями. Бронза и дерево — это побережье и Ашанти, в основном Ашанти. Север же известен изделиями из кожи, плетеного тростника и раскрашенных тыкв. Север близок в искусстве к Мали и Верхней Вольте. Хотелось бы сказать несколько слов об одном виде бронзовых изделий Ашанти — изделий, о которых мало известно за пределами Ганы (хотя лучшие их образцы выставлены в том же Британском музее).

Как-то я пришел к одному приятелю в Аккре и застал его за занятием, чем-то напоминающим игру в оловянные солдатики. Присмотревшись, я увидел, что расставленные на столе фигурки мало похожи на солдатиков, но угадать их назначение оказалось невозможным.

Тут были и человечки, и сундуки, и рыбы, и птицы, и все размером сантиметра в два-три, не больше.

Но как они красивы! Каждая фигурка — произведение искусства. Лаконичные, смелые — двумя чертами показан характер, любая из них — законченный расказ. Вот крокодил. Весь он умещается на ладони, но кажется, сейчас взмахнет гребенчатым хвостом и ускользнет. Вот черепаха с узорчатым панцирем. А вот женщина толчет фу-фу, а за спиной привязан ребенок...

— Что это?

— Гири, — спокойно ответил мой знакомый, как будто все гири на свете такие. Но потом, насладившись моим недоумением, добавил:

— Ашантийские гири для взвешивания золотого песка. Сейчас их уже не делают даже в самых глу-

ких деревнях. Правда, можно найти их в некоторых домах. Но новых никто теперь не делает... Правда, красиво?

Я согласился. Жаль, что мало кто знает об этих гирьках. Есть книги о масках Берега Слоновой Кости, о фигурах Бенина, но ашантийская бронза осталась как-то за пределами монографий и альбомов.

Бронза или фигуры из дерева — искусство традиционное, народное. Что же можно сказать о современном искусстве Ганы?

Оно еще молодо и часто несамостоятельно. Но, без сомнения, оно жизненно, реалистично. Художники Ганы пишут то, что они видят вокруг себя, так, как они это видят, и недостатки техники часто искупаются искренностью.

Картинная галерея Культурного центра в Кумаси умещается в одной большой комнате. Десятка два полотен на стенах. Это лесные деревни, сельские праздники, портреты крестьян и рыбаков.

Современное искусство Ганы понемногу завоевывает популярность в стране. Перед некоторыми зданиями стоят скульптуры ганских мастеров, портреты Кваме Нкрумы; работы молодого художника Рафаэля Джон Амоса вы можете увидеть на улицах Аккры.

Но все это первые шаги. Ганцы большие надежды возлагают на художественный факультет колледжа в Ачимото. Там учатся и будущие художники, и скульпторы, там же есть классы национального искусства, где молодежь под руководством старых мастеров овладевает искусством резьбы по дереву и бронзового литья.

Побродив по городу, мы вернулись в гостиницу. Решили хорошенько выспаться перед длинной дорогой. Нас обогнал «пантиак» модели последнего года. Он замер у входа, слегка покачиваясь. В его необъятных просторах затерялся Файорси.

— Какая приятная встреча. А я так боялся, что не придется увидаться до отъезда. Ну как, посмотрели город? Посмотрели? Очень хорошо.

После ужина мы с Маратом выбрались на широкую веранду гостиницы. Над столиком покачивались разноцветные лампочки. Темнота лавиной обрушилась на город. Сумерки в Гане длятся минут десять. И все. Ночь. Весь день солнце торчит прямо посреди неба, точно над головой, так что теней почти нет. А потом, к вечеру, вдруг обрывается с зенита и на глазах скатывается прямо вниз, к земле. Если сравнить с нашим солнцем, которое долго ползет над горизонтом, не решаясь уйти на покой, исчезновение тропического светила подобно вспышке молнии.

Город шумел внизу, и казалось, веранда плывет над ним. Спокойно и мирно.

Вдруг на веранду вошел, как всегда уверенно и быстро, подрядчик Файорси. Уже третий раз за день он изобразил искреннюю радость, граничащую с восторгом, при виде нас.

— Одну минутку, я присоединюсь к вам,— и он устремился к буфету.

Пока его не было, Марат сказал:

— Может быть, я не прав. Но с детства не люблю капиталистов, даже если они черные.

В общем, я думал так же. Представитель нового капитализма, национальный буржуа Черной Африки, не вызывал доверия. Но в любом случае он был интересен. С такими нам еще не приходилось сталкиваться в Гане. Файорси вернулся к столику. Сел.

Разговор некоторое время не вязался. Он вертелся вокруг тех мест, где мы побывали, погоды и жары. Потом, естественно, заговорили о Москве.

— А правда ли,— неожиданно спросил Файорси,— что в России никто не имеет ничего своего?

— Как так?

— Ну, ни дома, ни машины, ни вещей.

— Неправда.

— Но ведь вы получаете деньги только на еду и костюм?

— И это неправда.

Удивительно встречать людей, которые представляют нашу страну монстром из антисоветского памфлета. Казалось бы, в той же Гане можно прочесть в

газете о достижениях Советского Союза, можно увидеть русских специалистов, побывать в кино, где идут наши кинофильмы, но все равно запомнившиеся с детства страшные сказки о «большевистской России» крепко сидят в голове. Правда, люди с такими окаменевшими представлениями встречаются теперь нечасто и заявления об «общем одеяле» характеризуют любознательность человека не с лучшей стороны (ведь вот Энгманн относится к Советскому Союзу с искренним уважением и много знает о нем), однако Файорси не одинок.

Подрядчик несколько разочарован нашим рассказом о действительном положении дел в Советском Союзе.

— Но все равно, что бы стал делать, например, я в вашей стране?

— Все, что вам по душе. Работали бы.

— Но если у меня высокие потребности! Если я стою больших денег. Если я умнее других и знаю это! Почему я должен отдавать свои силы государству? Оно ведь не оценит.

— Почему не оценит? Ведь государство — это вы сами.

— Хорошо. Возьмем Энгманна. Он неглупый парень, я с ним вместе учился. Я работаю сам на себя, а Энгманн — для народа. Вы приходите ко мне в гости, посмотрите мой дом. А потом зайдите к Энгманну. Да ведь он в хибаре живет по сравнению со мной. Но он говорит всякие слова о стране и о будущем. Да я, может быть, не меньше нужен стране. Кто бы построил все те дома и больницы, которые строю я? Кто бы организовал людей и все достал? Кто бы, как я, недосыпал и переутомлялся? Никто. А делать все это за те гроши, которые будет платить мне правительство, я не согласен. Пусть этим занимаются идеалисты.

Марат посмотрел на него, как будто увидел в первый раз. Все-таки ведь сидит с нами африканец, недавно угнетенный житель Ганы и гражданин ее.

— Простите, а зачем столько денег?

Файорси ответил быстро, как будто ждал этого вопроса. Как будто не раз отвечал на него.

— Для детей. Для моих детишек. Я хочу, чтобы у них все было. Для них я работаю день и ночь. И можете мне поверить, что они ни в чем не нуждаются и нуждаться не будут. Их ждут лучшие школы и широкая дорога в жизни. Еще пять лет назад я не мог бы мечтать о такой карьере, которую делаю сейчас. Меня бы так далеко не пустили. Из-за цвета кожи. И дети мои вряд ли имели бы то будущее, что открыто перед ними сейчас. И я хочу воспользоваться временем. Я с вами буду говорить откровенно. Сейчас мы, национальные предприниматели, на хорошем счету у правительства, нас ценят. И я считаю себя лучшим для страны, чем любой белый. Кроме того, я окончил университет, я по специальности инженер, я энергичен, мне значительно легче делать дела, чем другим моим соотечественникам. Таких, как я, мало. Пока мало. Так к тому времени, когда у меня появится много сильных конкурентов, я хочу быть недостижимым для них. А пока мне по пути с правительством, с Энгманном. Ведь ему я тоже нужен. Но их интересует электрификация и образование, а я, будучи сторонником и электрификации и образования, хочу делать на этом большие деньги. Не для себя, повторяю, для своих детей.

Файорси уже который раз говорил о своих детях. Наверно, пухленькие файорсята — милые дети. Но зачем он прикрывает ими свою длинную фигуру, как щитом? Файорси вздохнул и продолжал:

— Хорошо у вас. Вот вы рассказывали, как заботится правительство о ваших детях, о том, что вы не боитесь потерять работу и деньги. А если я сейчас остановлюсь, то меня задавят те, с кем я сегодня в самых лучших отношениях. Я ведь одинокий леопард. Энгманн — другое дело. Он выбрал путь наименьшего сопротивления. Конечно, в случае чего о нем позаботятся. Он не одинок — профсоюзы там, юные пионеры, партия... И все же он никогда не сможет достигнуть того, чего достиг и достигну я. Посмотрите в Болгатанге, какой я строю госпиталь. У меня инженеры из Европы. Встретимся там — значит, послезавтра, в восемь, — и все покажу. Вот и вы

начнете строительство. К кому обратиться? Кто надежный, современный подрядчик? Файорси. У кого угодно спросите — скажут. Все вам построю. Я уверен, что, приехав домой, вы скажете своему правительству — Файорси все сделает как надо.

Пришлось объяснить Файорси, что Советский Союз, помогая странам Африки, не стремится к тому, чтобы частники наживались на советской помощи. В Гане существуют государственные организации. С правительством Ганы мы и будем договариваться.

— А ваша группа не будет выбирать подрядчиков? Ведь лучше, если за дело возьмется толковый человек.

— Мы не занимаемся подрядчиками.

— И даже не можете порекомендовать правительству?

— Нет.

— Жалко, что столько времени с вами потерял. Нет, нет, я шучу, конечно, мне было очень интересно познакомиться и поговорить по душам.

После этого разговор протянулся еще минут десять. Он поскущел и зачих. Мы откланялись. Завтра рано вставать.

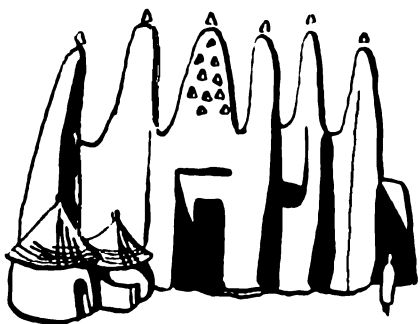
— Значит, встретимся в Болгатанге. Послезавтра, в восемь.

Вернувшись в номер, я достал карту. Завтра мы выедем на север. До Вольты дорога пойдет лесом. А там он кончится. За Вольтой начинается саванна, где живут другие народы, где другой климат и, наверно, другого цвета небо. Нам предстоит проехать около пятисот километров до Тамале — центра Северной области, в края, куда англичане забрались только в конце прошлого века, в самые отсталые места страны, и мы увидим, что делается там, на краю Республики Ганы.

Дорога почти прямая, тянется в меридиональном направлении, деля страну пополам. Энгманн говорил, что дорогу недавно реконструировали, заасфальтировали, так что можно будет быстро доехать. Если выедем с утра, к обеду будем у цели. Итак, завтра новая страна, новые открытия.

С Е Б Е Р

МИССИОНЕРЫ И МУХА ЦЕЦЕ

Менса поет псалмы. Он поет их уже второй час подряд, стараясь перекрыть свист ветра. А так как машина жмет в среднем со скоростью больше ста километров, ему приходится напрягаться.

Мы пока мало знакомы с Менсой, а еще меньше с псалмами. Наше невежество по части церковной музыки таково, что мы все два часа ломали себе голову, что бы это такое мог петь наш новый шофер. И если бы не настойчивое повторение библейских имен, так бы и не догадались.

Воскресенье, а мы едем. Поэтому Менса устроил церковь на дому. Менса производит впечатление чего-то надежного и устойчивого. Интересно, что это за человек? Он весь наполнен энергией, но она не брызжет из него, а изливается широко и спокойно. Побелевший от стирок мундир туго обтягивает могучие плечи, и баранка руля пропадает под толстыми, крепкими пальцами. Ему лет сорок, и у него вид человека, который много повидал и много знает. С чего бы начать разговор?

— Вы из какого народа? — спрашиваю, когда Менса делает перерыв в лении.

— Я — га.

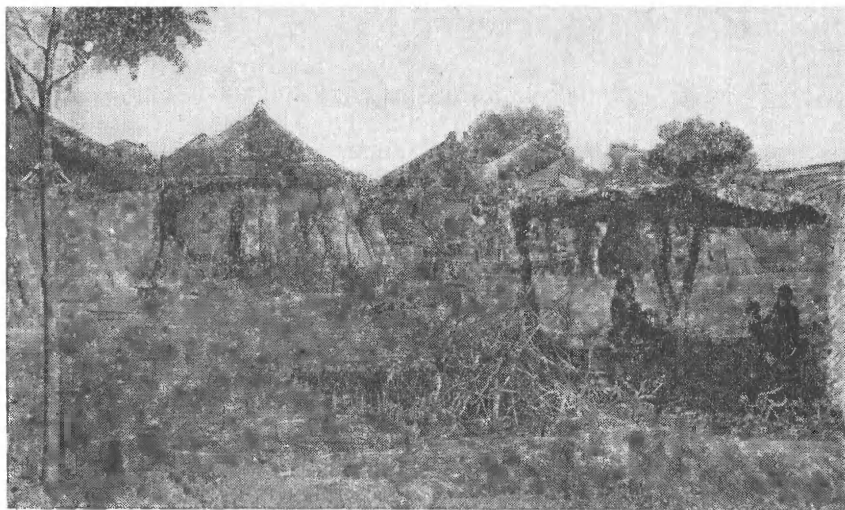
— А к какой церкви вы принадлежите?

— Я методист.

И Менса запеваёт новый псалом.

В Гане множество церквей и сект. Миссионеры действуют тут давно. Как и в любой прибрежной африканской стране, куда сравнительно нетрудно добраться морем, здесь обосновались пастыри самых различных церквей. Они заманивают в свои ряды верующих всеми возможными способами. Церкви, которые у себя на родине не имеют ни храмов, ни распятий, ни красочных одеяний, рожденные буржуазными взглядами упрощения и деловитости, вынуждены до смешного отречься от простоты ради того, чтобы привлечь внимание «язычников». В Аккре, недалеко от нас, была церковь евангелистов. В один из первых дней, в воскресенье, мы услышали стук барабанов и развеселые песни, несущиеся из-под белого шпилья этой церкви. Оказалось, идет богослужение и для песнопений использована ганская народная музыка. Во время богослужения верующие танцуют. Если бы не жестокая конкуренция, если бы не желание отхватить как можно больше сторонников, вряд ли евангелисты пошли бы на такое. Но надо. А то ведь в церковь не придут. И пожалуй, только католики не изменили ни литургии, ни обрядов — наверное, потому, что католичество само по себе пышно. Почти каждый ганец Золотого Берега и Ашанти «приписан» к какой-нибудь из христианских церквей. Религия акан, существовавшая до прихода европейцев, не выдержала конкуренции и усилиями миссионеров при поддержке колонизаторов оттеснена на второй план. Но, как христианство ни подделывается под вкусы и обычаи африканцев, полностью изжить религию, основанную на традициях и обычаях многих поколений, оно не смогло, хотя играет в Гане весьма большую роль. Каждая волна миссионеров точно соответствовала волне колонизации, и практически всегда интересы церкви совпадали с интересами европейцев, а не африканцев.

В 1954 году, когда Гана была на пороге независимости, ее посетил американский негритянский писа-

По саванне раскиданы группы жилищ,
по пять, по семь...

тель Райт. В своей книге об этом путешествии он приводит разговор с молодым ганцем.

— Миссионеры учили тебя в школе бороться за свободу страны? — спросил Райт.

— Нет, сэр.

— Но они учили тебя читать?

— Да, сэр.

— Но, научившись читать, ты понял, что англичане завоевали твою страну?

— Да. Я знаю историю. Нас покорили.

— Это миссионеры говорили тебе, что вас покорили?

— Нет, сэр.

— Но, научившись читать, ты узнал о борьбе за свободу страны?

— Мы будем свободны, мы всех их выгоним.

Это очень интересно. Ведь миссионеры, совсем того не желая, рыли себе яму. Они учили детей читать Библию. А научившись читать, дети прочли совсем другое. Миссионеры и сейчас отлично здравствуют в стране. У них есть паства, храмы, книжные мага-

зины, столовые... Уже есть ганцы-священники, епископы. Ватикан, подчиняясь веяниям времени, идя на все, чтобы удержать африканцев, года два назад возвел в кардинальское достоинство священника из Танганьики Лориана Ругамбву.

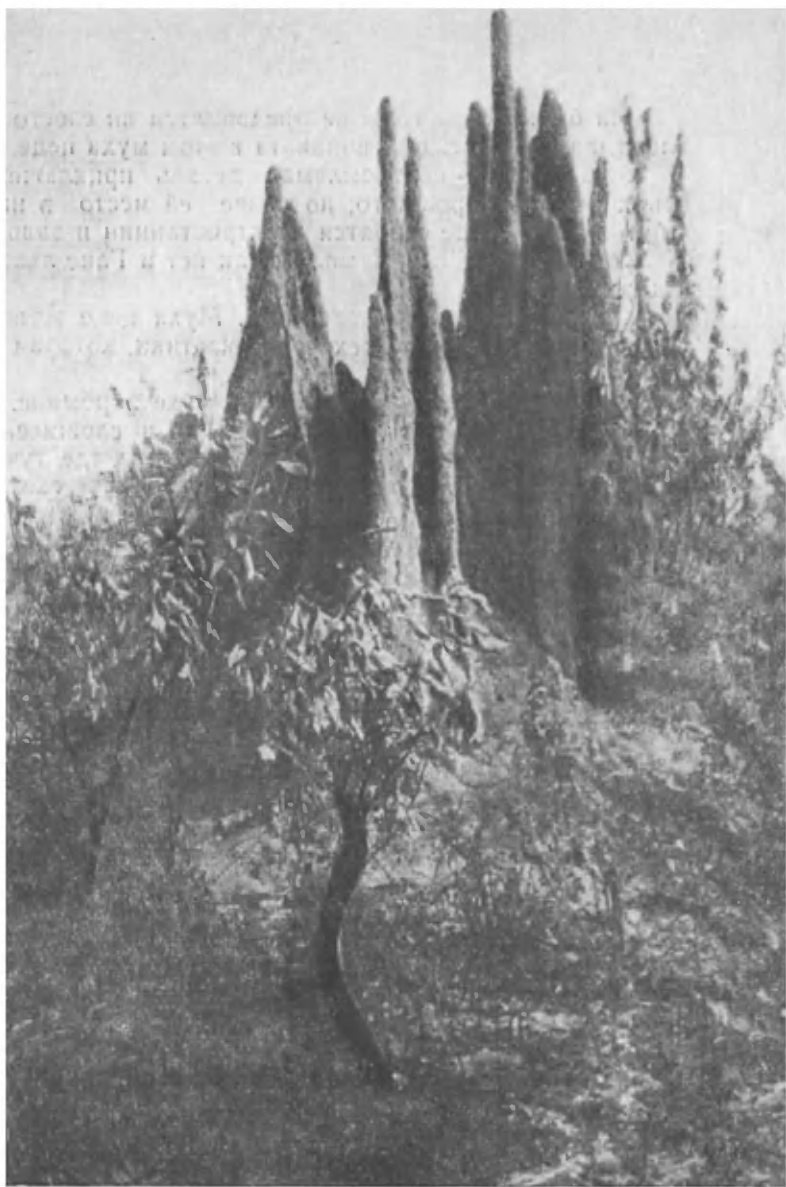
И все-таки... негр-священник Хегба пишет: «Можно ли недооценивать такие заявления в адрес католических священников, как: „Иисус был белым, Мария была белой, бог посещал только белых, негры не попадают в рай, белые убили своего брата — это нас не касается... Он осудил торговлю живым товаром, но никогда не осуждал торговлю неграми, он благословил итальянские войска, напавшие на Эфиопию-мученицу, он относится с безразличием к расовым преследованиям в США и Южной Африке”».

Но сейчас, уезжая к северу, мы покидаем христианские районы Ганы. За Вольтой живут мусульмане. А там, где мусульманство, миссионерам делать нечего — ничего не получится. Мусульманство моложе христианства и не уступает ему в активности и организованности. Да и для населения Африки мусульманство часто ближе, чем христианство, хотя бы потому, что оно не связано с колонизацией, не связано с приходом белых.

Время от времени достаем уже потрепанную карту и помечаем деревни, которые проехали. Лес все реже и ниже. И суше. Среди колючих полусухих кустов вылезают готическими храмами рыжие термитники. Один из них так высок, что мы даже измерили, — около пяти метров.

Навстречу четвертое за день стадо коров. Они не спешат расступиться и снисходительно поглядывают на машину, которая, надсадно гудя, пробивается сквозь стадо. Коровы наверняка ничего не знают о грифах на бойне в Такоради.

В Гане немало обширных пастбищ на севере, в саванне, по берегам рек, но скота не хватает — стада гонят из других стран. В Гане порошок молока, которое привозят из Англии и Америки. И лозунги — «Молоко — лучшая пища природы», расклеенные в Аккре, звучат иронически.

Из колючих кустов вылезают рыжие термитники. Один из них около пяти метров высотой

На ближайшие годы не предвидится ни своего молока, ни своих стад. А виновата в этом муха цеце.

Муха цеце — неотъемлемая деталь приключенческих романов прошлого; но разве ей место в наши дни в стране, где строятся электростанции и заводы? Наверно, ее уже нет, думал я, как нет в Гане львов и жирафов.

Оказалось, ничего подобного. Муха цеце живет и являет собой одну из тех черт экзотики, которая так портит жизнь ганцам.

Интересно читать о страшной мухе в романе. На деле все значительно прозаичнее, но и сложнее.

В долинах рек Северо-Западной Ганы, где тучные пастбища как бы созданы для разведения скота, — царство невзрачной и коварной мухи. Она там как оводы у нас — обычна и настырна. И никакое планомерное и широкое разведение рогатого скота невозможно в целых районах, именно в тех районах, где есть все условия для этого.

Слово «цеце» связано с еще одним экзотическим словом: «сонная болезнь». Уже лечат тропическую лихорадку и малярию, борются с чумой и холерой, но сонная болезнь все еще неподвластна врачам. Не только скот гибнет от нее — люди тоже не защищены от укусов.

До самого последнего времени борьба с цеце не приводила ни к каким положительным результатам. К отрицательным приводила. И вот как.

Если не изучить проблему со всех сторон, то при самых лучших намерениях ничего хорошего не получится.

Такое уже неоднократно случалось в истории. Завезли кроликов в Австралию — они стали национальным бедствием; уничтожают где-то хищников — разводятся вредные животные или больные животные, которых хищники, естественные санитары, в первую очередь уничтожают; истребляют воробьев, появляются вредители-насекомые. И так далее. Примерно то же случилось в Гане.

Еще до освобождения страны была создана служба по борьбе с мухой цеце. О том, что из этого полу-

чилося, свидетельствует журнал «Ганский фермер»: «Муха цеце, переносящая трипанозомы с диких животных на домашний скот, не может существовать без диких животных (догма). Посему уничтожьте диких животных, таким образом, будет уничтожена цеце и откроются огромные пастбища для домашнего скота... Работникам службы по борьбе с цеце было роздано оружие, и, несмотря на предостережения работников заповедников, зоологов и ботаников (и несмотря на недовольство местных жителей), началось массовое уничтожение диких животных... Избиение в основном коснулось жвачных животных, которые убегают, не сопротивляясь. Так как охотник спешит, он никогда не преследует раненых животных, они уходят далеко от районов первоначального обитания и подышают в других местах, разнося трипанозомы. Хищники же, уничтожающие в первую очередь больных животных, избегают истребления неопытными охотниками. Антилопы исчезают, а львы и леопарды нападают на домашний скот и даже на людей...

Нигде это мероприятие не привело к уменьшению количества мух. Там, где уничтожены антилопы, жирафы и прочие крупные животные, цеце обращается к мышам, белкам, крысам, домашнему скоту и, наконец, к человеку».

Теперь, конечно, такой способ борьбы оставлен. Но он нанес крупный ущерб фауне Ганы, резко уменьшил количество диких животных в стране, подорвал работу заповедников.

Нам рассказывали в Аккре, что в Гане сейчас большие надежды возлагают на новый способ борьбы с вредными насекомыми, который с успехом начал применяться в Америке. Он состоит в том, чтобы разводить этих насекомых. Я не оговорился. Но все дело в том, что разводят только насекомых мужского пола, а потом облучают их, лишая тем самым способности к оплодотворению. И когда их выпускают в поле, то они, занимая место настоящих самцов, резко уменьшают количество оплодотворенных самок. Меньше выводится новых мух, и через несколько по-

колений вредные насекомые вымирают сами по себе. Способ парадоксальный, смелый и до того простой, что поначалу не верится в его эффективность. Хотя известно, что таким образом уже удалось отделаться от москитов во Флориде.

Есть и другие пути. Например, вывести породу скота, обладающую иммунитетом к укусам мухи. Найти новые пастбища, освоить новые скотоводческие районы. Над всем этим сейчас работают ганские специалисты. Работают и животноводы, приехавшие из Советского Союза. Впереди еще годы труда. Но придет время, когда будет в Гане свое молоко..

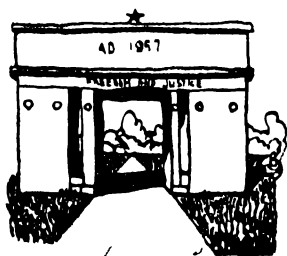
Городок. Такой же, как и десяток других, что мы проехали за день. Лишь несколько шумнее. Больше лавок, больше людей на улице, больше машин.

С холма видна Вольта. К ней подбегает шоссе и упирается в зеленую воду. Моста нет — паром. Через Вольту в Гане всего один мост. И тот находится недалеко от моря, на востоке. А если надо проехать из Южной Ганы в Северную, пользуются паромом. С каждым годом движение на дорогах все сильнее, и паромы, хоть и вмещают десяток машин за раз, не справляются с работой.

Менса идет к будке, где регистрируются все проезжающие через реку и платят за перевоз. Нам, правда, платить не надо — мы едем на машине правительственного гаража, но отметить придется.

Мы спускаемся к реке вдоль очереди машин. Интересно, кто едет на север. Перед нами, уткнувшись один в другой, два грузовичка мамми-лорри, потом полицейский «джип», «фольксваген» — два туриста в замызганных шортах и с многочисленными камерами, два грузовика с цементом, старый «моррис», в котором поместилась многочисленная семья какого-то ганского чиновника, еще мамми-лорри, бульдозер, грузовик с бананами... Мы на одной из самых главных магистралей страны.

— Пойдите выпьем чего-нибудь холодного, — подходит Менса.

МЕНСА

Менса понемногу оживает. Он пропел уже все псалмы, чист перед богом и теперь интересуется нами. Ему приходилось ездить с русскими специалистами, с сельскохозяйственниками, и у него свое собственное, очень благоприятное мнение о русских.

— Я ничего не чувствую с русскими,— рассуждает он, не отрывая глаз от дороги впереди.— Вот я сталкивался с англичанами. Много сталкивался. И все время чувствовал, что я не такой. И даже сейчас, когда англичане делают вид, что я такой же, я знаю, что я все равно не такой. А с русскими я не чувствую. Они не делают вида, что я такой же, как они. Русские знают, что я такой же.

Путь дальний, дорога прямая, и за несколько часов ее мы немало узнаем о Менсе. Потом мы не раз еще беседовали с ним и в Тамале и в Болгатанге. В общем, мы познакомились с этим интересным человеком. Менса — очень современный африканец, его не переместить в другое время. Он одич из тех, на которых опирается Народная партия Квинента Ганы.

Менса много где побывал, многое повидал, но остался ганцем. Я говорю это потому, что все-таки не раз приходилось встречать ганцев, которые, поездив по разным странам, получив образование в Англии, потеряли национальные черты. Причем потеряли с готовностью. С самого отъезда (а иногда и вовсе не уезжая из страны) они задавались целью стать как европейцы. В результате не становились таковыми, а национальные ганские черты теряли. Это характерно не только для Ганы, но и для других бывших коло-

ний. Таким людям англичане не ставили никаких преград. Наоборот, в интересах колонизаторов было создавать подобные компрадорские прослойки. Перебежчикам давали на откуп те местечки, которые специально берегли для «туземцев». До сих пор в Индии и Бирме с недоверием и часто с презрением относятся к людям, которых называют Ай Си Эс — индиан сивил сэрвис. Это те индийцы или бирманцы, которые, обангличанившись, получали за это в несколько раз больше денег и благ, чем любой другой индеец или бирманец, будь он даже семи пядей во лбу.

Сейчас таких людей становится все меньше и меньше. Ведь теперь такой камуфляж не приносит выгоды.

Но Менса, повывавший куда больше многих европеизированных соотечественников, остался прежним человеком. Он не отталкивал от себя увиденное, не закрывал глаз, но не перестал быть ганцем до мозга костей.

Вот и сейчас он вспоминает о том, как воевал в Бирме с японцами, а с итальянцами в Ливии...

— ...Сколько я в армии был? Восемь лет. В западноафриканском полку. И никто не скажет, что мы плохо воевали. Я к концу войны стал сержантом. Мог бы стать и офицером, если бы не был черным. У меня несколько медалей. Я их не надеваю после демонстрации у дворца губернатора. Зачем носить английские медали? Ведь мы думали, что не зря воевали с фашистами. И вдруг в нас стреляют те, с кем в Бирме мы были рядом...

Менса вспомнил первые послевоенные годы. Тогда вернулись с фронтов солдаты, вернулись новыми людьми. За годы войны они поняли, что в бою совсем неважен цвет кожи и что черный солдат бывает ближе белому, чем белый же офицер. Солдаты узнали, что воюют с фашизмом, воюют за светлое будущее всех людей. Они узнали, что есть на земле много стран и есть одна, которую называют — Советский Союз.

Они пришли домой с полной уверенностью в близости перемен. Разве не за это они сражались? И вдруг оказалось, что англичане, сидящие в конто-

Шофер Менса

рах и управлениях, англичане, присылающие приказы и распоряжения из Лондона, не поняли изменений, происшедших в Африке. Ведь дело было не только в солдатах, вернувшихся с фронта. И рабочие в порту и на приисках, и крестьяне, и студенты, и учителя тоже многое поняли за последние годы.

— Какая может быть независимость? Вам до нее расти и расти,— рассуждали англичане.

Как будто независимость выдается к совершеннолетию словно конфетка за хорошее поведение.

Но уже организуются первые национальные партии, первые забастовки охватывают порты и фабрики. Популярный молодой трибун Кваме Нкрума выступает с требованием независимости. Теперь уже не так просто сказать африканцам — ша! Они не слушают. Они все больше разбираются в действительном положении. Происходят совершенно непонятные английскому чиновнику вещи. Когда арестовывают Нкру-

му за его журналистскую деятельность, направленную на освобождение страны, мамми, базарные торговки, которым, казалось бы, плевать на политику, собирают триста фунтов стерлингов залога за арестованного.

И вот в те дни 1948 года и происходят трагические события, после которых Менса перестал носить свои медали.

— Мы собрались тогда,— говорит Менса.— все ветераны, и решили пойти к губернаторскому дворцу. Мы просили повысить нам пенсии. Мы хотели говорить не только о пенсиях, но и о свободе. Мы шли без оружия. Пришли к тому месту, где теперь стоит Арка Независимости. Там нас встретили солдаты с ружьями. Я помню того лейтенанта, который командовал ими. Его потом судили и оправдали. Лейтенант приказал стрелять. И они стреляли. И убили моего друга. Его не убили итальянцы, его не убили японцы. А англичане, с которыми рядом он прошел всю войну, убили. У него тоже были медали за защиту Англии. ...Мы вынесли его тело... Теперь говорят, что англичане дали нам независимость. Еще бы они не дали! Ведь мы не разучились стрелять.

Это уже история. Об этом пишут книги. И о демонстрации, и о начале восстания, и о том, как были арестованы тогда все руководители освободительного движения во главе с Нкрумой. И нами это всегда воспринималось как история. Но тут мы почувствовали, что она близка и жива, что история совсем не история, а часть жизни человека, который сидит рядом с нами, за рулем.

И через несколько месяцев после расстрела демонстрации, когда прошли выборы в парламент, в первый ганский парламент, еще не имевший реальной власти, первыми депутатами его стали именно те лидеры движения, что сидели в тюрьмах. Депутатов в тюрьме держать нельзя. Тем более что один из заключенных станет премьер-министром страны. Англичане были вынуждены выпустить на свободу Нкруму и его товарищей, и те пришли на заседание парламента в тюремных колпаках. На колпаках были бук-

вы, первые буквы слов «выпускники тюрьмы». Новые депутаты парламента гордились своим тюремным образованием.

Среди тех, кто выбрал их в парламента, среди тех, кто вступил в те дни в партию, был и ветеран Менса, который стал одним из надежнейших и вернейших членов партии.

— У нас есть вождь,— говорит он.— Настоящий вождь Африки — осаджефо — президент Нкрума. И если он скажет мне — пройди пешком отсюда до Аккры, я пройду. Я знаю — если он сказал, значит, так нужно для Ганы, для Африки.

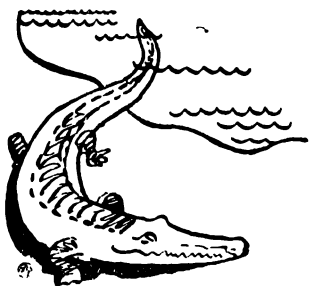
Менса говорит спокойно, размеренно, только пальцы чуть сильнее сжали баранку. Он пройдет.

Нам опять вспомнился приезд в Аккру английской королевы. Королеву встречали вежливо, но сдержанно. Только вожди племен выбивались из сил, чтобы достойно принять «товарища по оружию». Королева разъезжала по стране в «ролс-ройсе» с подсветкой, чтобы ее лицо можно было разглядеть в любое время дня и ночи. Королеве, наверное, было жарко, она уставала, но продолжала улыбаться обаятельной королевской улыбкой.

Торжественный парад был устроен у Арки Независимости, точно на том месте, где за несколько лет до этого королевские солдаты расстреляли демонстрацию ветеранов. Интересно, знала ли она об этом? Наверно, знала. Но дипломатия превыше всего. И королева улыбалась.

Впрочем, есть предел и королевскому терпению. После посещения Ганы и других африканских стран королева отправилась домой; хотя программа визитов не была исчерпана. В Танганьике на празднества по случаю провозглашения независимости страны принцу Филиппу пришлось отправиться в одиночестве.

Королева Великобритании еще ни разу не присутствовала на подобных торжествах. Это выше ее сил. Не так легко наблюдать, как рушится колониальная держава, которую по крохам и по ломтям собирали деловитые предки.

О ЗДОРОВЬЕ

Мы уже час стоим в тени невероятных размеров баобаба. В деревне сегодня ярмарка, и каждый из пассажиров нашей машины находит себе что-нибудь интересное. Мы с Маратом обзавелись опакалами и кувшинами из тыквы с выжженным на них узором. Володя Орлов обнаружил нигерийца, торгующего всякой мелочью, и скупил у изумленного купца весь запас спичек. Торговец не знает, что у Орлова наказ от малолетних московских родственников привезти редкие спичечные этикетки. А у нигерийца этикетки нигерийские. Антонов купил изумительной красоты покрывало, белое, с черным и красным узором. Но больше всех приобрел на ярмарке Менса. Багажник завален могучими клубнями ямса, который здесь, на севере, крупнее и дешевле, чем на юге. Ямс и кассава — основная пища ганцев. Клубни, похожие на сахарную свеклу, перемалывают в муку, из которой можно готовить все, что душе угодно. Правда, в ямсе содержится много синильной кислоты и его надо вымачивать, чтобы не отравиться. Еще Менса купил трость. И не простую трость, а из тех, что положено носить старейшинам. В общем, все довольны.

А ярмарка кипит. Еще не жарко, утро. Рядами сидят на земле знакомые нам мамы с ребятишками за спиной. Те же банки консервов, те же кубики сахара и открытые пачки сигарет, нитки и куски материи. Это рынок для тех, у кого мало денег. Под навесами сидят торговцы побогаче — они же портные. Крутится швейная машина, шивая узкие полосы

местных тканей. Висят на распялках ветхие плащи и костюмы. А дальше хребты и холмы бананов, орехов, привезенный с юга ананас, папайя...

— Ну что, поехали дальше?

Еще часа два ехать до Болгатанги, самой северной точки нашего пути. Мы живем последние дни в Тамале, центре Северной области, откуда и ездим в другие места.

Гана невелика, но до чего разнообразна она! До чего быстро меняются пейзажи! Километров сто с небольшим от Тамале до Болгатанги, а уже другая страна.

Равнина вокруг Тамале плоская, как стол. И покрыта саванным лесом. Деревья уже невысоки, и узловатые стволы их изогнуты резким климатом тех мест. Они стоят довольно густо, лес просматривается только метров на сто вглубь. Деревни там встречаются не часто, они сравнительно велики — несколько десятков домов, порой глинобитная мечеть, похожая на термитник-переросток. Сам город Тамале, окруженный широким кольцом круглых хижин, довольно большой город для тех мест — асфальтированные улицы, кинотеатры и отделения аккринских универмагов.

А подъезжаешь к Болгатанге, к северной границе, и все меняется. Саванна уже больше похожа на степь, чем на лес. Отдельные деревья или купы их разбросаны по склонам невысоких холмов, что становятся все круче и выше, чем ближе к границе. Деревни исчезли. Зато в беспорядке раскиданы по степи группы хижин, по пять, семь, окруженные общим забором, — там живет одна большая семья. Хижины разукрашены геометрическими узорами — здесь уже другие племена. Климат еще резче, чем в Тамале. Ночью прохладно, днем печет, сухость воздуха такая, что через минуту после того, как напился, тянет пить снова и снова, трескаются губы и чувствуешь, какая сухая у тебя кожа, особенно когда едешь со скоростью километров сто — как будто находишься в мощной сушилке.

Где-то в этих широтах, только западнее, наши летчики, которые работают на вертолете, подаренном

Советским правительством Гане, видели стадо диких слонов.

Нам слонов увидеть не пришлось. Зато вчера, в Тамале, мы были на станции водоснабжения, и там произошла необыкновенная встреча с одним из представителей ганской фауны.

Инженер станции провел нас к резервуару — круглому пруду, метров триста в диаметре. Вода туда поступает из Черной Вольты во время дождей, и оттуда ее забирают в сухой период, когда с водой на севере очень туго. Мы стояли на крутом склоне дамбы, облицованном крупным булыжником, и Орлов заметил, как по поверхности воды медленно ползут черные точки.

— Что это?

— Крокодилы.

— В резервуаре?

— Да. Это самая главная загадка, с которой мне тут пришлось столкнуться. Резервуар существует лишь несколько лет. Воду в него напустили по трубам с фильтрами из Вольты, до которой тридцать миль. Ближе ни одного водоема нет, сухая саванна. В общем, появиться им неоткуда. А живет их, мы подсчитали, уже больше сотни в пруду. Загадка.

Инженер развел руками.

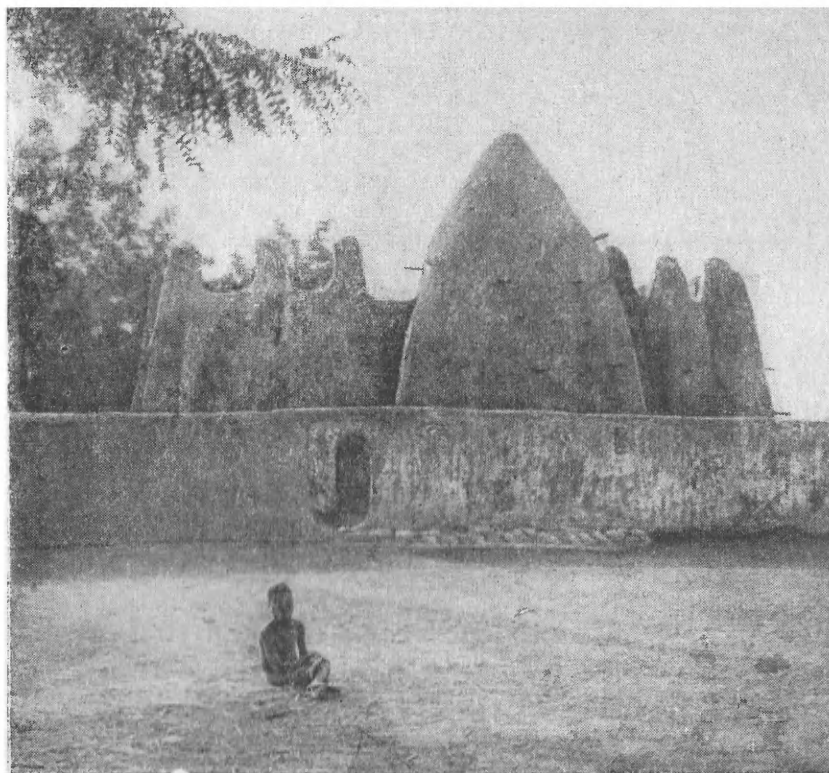
Черные точки крокодильих глаз пропали. Тихий резервуар. Трубы.

— А как вы с ними боретесь?

— Никак не боремся. Они нам не мешают. Сквозь фильтр крокодилу не пройти. А так он ничем не отличается для нас от рыбы. Ведь рыба может жить в водоеме, откуда забирают воду?

— Может.

— Ну вот. На качестве воды крокодилы не отражаются. Могут показать результаты анализов. Вот будете дальше на севере, увидите в Навронго пруд со священными крокодилами. Они там покрупнее. Но плохо себя ведут. Не читали на той неделе газету? Они утопили жреца, который их кормил. Да, да, утащили в воду, и жрец захлебнулся. Удивительная неблагодарность.

Глинобитная мечеть, похожая
на термитник-переросток

Впереди наметилось сгущение хижин. Болгатанга. Там нас ждет подрядчик Файорси, чтобы показать, как трудятся предприниматели.

Но мы сначала едем в Строительное управление.

Обширный двор завален мешками с цементом, досками, арматурой. Мы видели много строительных управлений в Гане, побывали во многих городах, но нигде так, как в Болгатанге, не чувствуется кипение стройки. Несколько лет назад Болгатанга была большой деревней. А теперь, куда ни помотришь, леса, бульдозеры, белые стены новых домов. Если южнее, к примеру, тот же Тамале — уже сложившийся город,

с улицами и домами, построенными лет хотя бы двадцать назад, то в Болгатанге все новое, все строится.

Начальник управления, маленький цейлонец, приехавший по контракту, очень соответствует духу города. Он молод, подвижен и деятелен. Он не скрывает гордости человека, имеющего непосредственное отношение к рождению новой столицы севера. Его кабинет похож на боевой штаб. Звонят телефоны («Станция, дайте мне Геологическое управление!», «Станция, сколько раз просить ветеринара!»), вбегают прорабы и механики. Во время разговора с нами цейлонец поминутно извиняется, вскакивает и исчезает в соседней комнате, где идет какое-то совещание.

— Да, мне звонил Смит из Такоради, что вы придете. Я вам все покажу, у нас есть, что показать. Конечно, для вас это мелко и неинтересно...

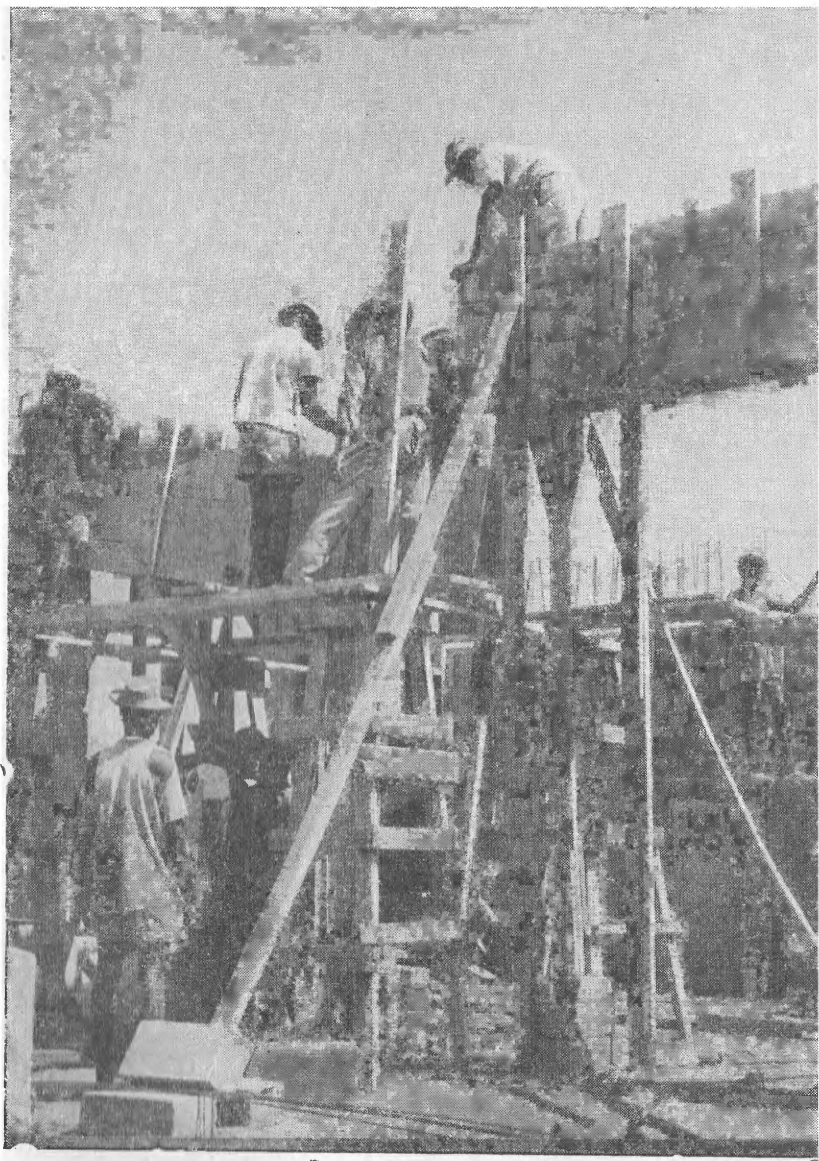
Он останавливается. Ему хочется, чтобы его разуверили. Мы горячо разуверяем. Нам в самом деле интересно. И не из-за масштабов строительства. В той же Гане есть стройки и покрупнее, но ведь мы сейчас находимся на крайнем севере Ганы, в местах «диких и весьма отдаленных». Вот он, почти что центр Африки.

Цейлонец встает из-за стола и ведет нас мимо молодых чертежников вниз, минуя склады, туда, где мерно крутятся бетономешалки и ручные станки выплывают цементные блоки.

Мы не посмотрели на священных крокодилов в Навронго, не хватило времени. Зато мы видели строительство жилого района, госпиталя, училища, знакомились с инженерами и рабочими и спорили над чертежами, разложив на сухой траве потрепанные синьки.

Именно во время одного из споров (Антонов — сторонник плоских крыш и сборного железобетона, а прораб на стройке общежития для медицинского училища более консервативен) Марат вдруг обернулся ко мне и спросил:

— Мы ведь сейчас на стройке Файорси?

В Болгатунге кипение стройки

— Точно.

— И он нас здесь должен был ждать?

— Да... Скажите, а Файорси сегодня не был здесь? — это уже к прорабу.

— Нет.

— Видишь, обманул все-таки.

— Но, может, что-нибудь с машиной случилось.

— Вряд ли. Помнишь, он, как узнал, что подряд мы ему обеспечить не сможем, немедленно к нам охладел.

Мы продолжали осмотр без Файорси. В конце концов он был только подрядчик, а стройка — государственная и для государства. И люди, которые нас окружали, были куда больше похожи на нашего друга Энгманна, чем на энергичного Файорси, с его деньгами и большим домом.

— Посмотрите,— сказал цейлонец, когда мы подъезжали к месту строительства больницы,— как мы много строим их сейчас. Вы, наверно, обратили внимание на новые поликлиники и госпитали?

Да, мы, разумеется, обратили внимание. И причем обратили даже больше, чем полагалось бы по нашей строительной специальности, — из интереса к Гане вообще.

Перед отъездом из Москвы вы приходите в высокий новый дом в переулке у Проспекта Мира. Там эпидемиологическая станция.

— Вы давно прививали оспу? Засучите рукав, застрахуем вас от желтой лихорадки. Вот таблетки, по две каждые три дня, начинайте за неделю до отъезда. Это от тропической малярии.

И начинаешь готовиться к худшему.

— Про муху цеце знаешь? — спрашивают доброжелательные приятели.

— Про тропических блох у Грэма Грина читал? Мазь от москитов будешь доставать?..

И опять же, стоит вспомнить историю...

О самих африканцах, о проценте смертности среди них сто или двести лет назад ничего не было известно. Зато загляните в отчеты комендантов крепостей, построенных на Золотом Берегу.

1824 год. От болезней вымерло триста из шестисот человек гарнизона. За 1700—1750 годы из двадцати четырех датских губернаторов двадцать умерло от болезней.

Никогда не было на Золотом Берегу больших поселений европейских колонистов. Климат и миазмы (частое слово в отчетах тех времен) уничтожали европейцев быстро и беспощадно.

Ну а африканцы, ганцы? Никто не подсчитывал, никто не интересовался, как и отчего они умирали. Правда, в скупых отчетах о войнах можно прочесть: «И тогда вождь ашанти приказал своей армии отступить. Эпидемия оспы уничтожила половину его воинов».

Конечно, сейчас не восемнадцатый век и большинство болезней побеждено медициной. Прививки делают свое дело. От малярии, лихорадки, оспы можно теперь защищаться.

Я говорю о болезнях не потому, что хочу кого-нибудь попугать или похвастаться тем, что прошел огонь и воду. В конце концов от них можно скрыться за барьером сывороток, таблеток и чистоты. Но ведь у себя дома мы привыкли есть и пить, что хотим и где хотим, — мы привыкли к чистоте нашей жизни и не замечаем ее.

Мы относимся с уважением, хотя и без любви, к микробам, за что они, по-видимому, относятся с уважением к нам.

Другое дело в Гане, стране, рвущейся из средневековья со всеми его бедами. Молодому государству достались в наследство грязь, нищета и полное отсутствие больниц и врачей. И я говорю о болезнях, чтобы показать, как трудно ганскому правительству догнать страны Европы, сделать то, что для них — уже давно пройденный этап. Причем сделать все это быстро, имея в добавление к знакомым нам бедам целый ряд эндемических болезней, с которыми не привыкла обращаться европейская медицина. Это и сонная болезнь, о которой говорилось раньше, и амебная дизентерия, и речная слепота, и местные разновидности энцефалита и т. д.

До сих пор в стране еще очень высока детская смертность, низка продолжительность жизни.

Мы едем по саванне. Невысокие баобабы, термитники, обгорелая черная трава. И вдруг белые корпуса недалеко от дороги.

— Что это?

— Новый госпиталь.

— А это (через пятьдесят километров)?

— Общежитие медсестер и туберкулезный центр.

То же и в Болгатанге и в Тамале, в самых отсталых районах республики.

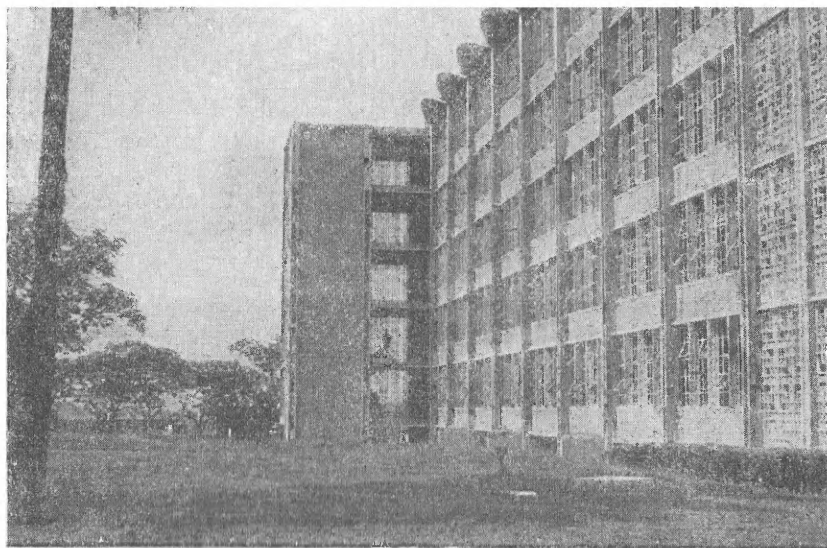
В Гане было много споров о том, стоит ли стране, где медицинское обслуживание в самом зачатке, строить в Кумаси громадный современный госпиталь, больницу на пятьсот коек и училище медсестер на триста человек. Не слишком ли размахнулись? Таких госпиталей немного и в самых передовых странах. Сейчас, говорили скептики, нам нужны простейшие больницы, амбулатории, а госпитали-гиганты с современными операционными и лабораториями — дело будущего.

Но все-таки госпиталь построили. Он возвышается над Кумаси — многоэтажный гигант, раскинувшийся на несколько гектаров.

Это не значит, что больнички и амбулатории не строятся. Их много в Гане. В Аккре на заводе железобетонных изделий мы видели колонны типовых больниц и поликлиник для разных районов страны. Они из сборного железобетона, их выпускают поточным способом.

Первые шаги делает Гана в механизации строительства, в типовом проектировании. И эти первые шаги связаны со строительством больниц.

Остро не хватает врачей. На помощь ганцам приехали врачи из Советского Союза. Им приходится туго. Работать надо вдвое, втрое больше того, чем принято, чем положено врачу по самым жестким нормам. Каждому приходится замещать нескольких недостающих врачей. И это при ганской жаре и влажности, когда после первых часов работы уже хочется прилечь в холодке, когда все время хочется открыть

Таких госпиталей, как в Кумаси, немного и в самых передовых странах

дверь и уйти из этой бани. Но баня — вся Гана, и из нее никак не уйдешь. И врачи не жалуются.

Кстати, уж если разговор зашел о госпитале в Кумаси, нельзя не сказать о мече Окомфо Аноче. Меч этот находится во дворе госпиталя.

Когда великий король ашанти Осеи Туту объединил племена, населявшие лес, его мудрый советник и жрец Окомфо Аноче решил закрепить этот союз. Боги послали ему с неба кроме золотого трона еще и меч, символ единства и жизненности народа. Окомфо воткнул меч в землю, в самом центре государства Ашанти. И сказал, что, покуда этот меч останется в земле, будет жив ашантийский народ.

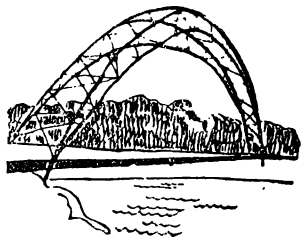
Окомфо, видно, был очень сильным человеком. Да и боги ему, наверно, помогли. С тех пор было много желающих выдернуть меч из земли, но никому это не удавалось. Так меч и находится там, где воткнул его Окомфо.

Мы тоже из любопытства подергали за железную рукоять. И, разумеется, безуспешно. Марат, человек

трезвый, объяснил секрет меча так:

— На конце перекладина, как на якоре. Его и бульдозером не возьмешь. А впрочем, в наши планы и не входит его вытягивать.

Приятно, что памятник основания народа окружен светлыми корпусами госпиталя. Они друг другу не противоречат.

ЛЮДИ И БЕЛОЕ ЗОЛОТО

Трансформаторы густо опутаны паутиной. Серебряная, легкая, она кажется сгустком тумана, невесть как попавшего в высушенный знойный полдень Болганги — центра Верхней области Ганы. Марат замедляет шаги, останавливается. Останавливается и наш новый знакомый — инженер, директор электростанции.

— Чистим регулярно, раз в две недели. А она снова появляется.

— А где пауки?

— Вы мне не поверите, но никто еще не видел ни одного паука. Наверно, очень маленькие. А какая производительность! Из-за них приходится весь город отключать.

Подобные не предусмотренные справочниками сюрпризы встречаются на каждом шагу. Как ни изучай страну по книгам, все равно такого не узнаешь. Марат достает потрепанную тетрадку в черной клеенчатой обложке. Всего месяц назад он купил ее на Арбате, а она уже объехала чуть не полсвета и почти сгорела на работе. Марат открывает ее раз по пятьдесят

на дню. Тетрадь хранит в себе и короткие записи об электростанциях в самых разных концах Ганы, и неровные линии схем, что чертились в беседах с ганскими коллегами, и предложения, возникающие после очередного визита, и письмо домой, которое не успел отправить из Аккры в предотъездной суматохе, и названия мамми-лорри.

Марат Зименков — электрик. И будь то жаркая северная Болгатаंगा, порт Такоради или лесокombинат в Самребои, Марат отыщет тамошнего электрика, возьмет его за пуговицу, и они с головой погрузятся в увлекательнейший разговор о напряжениях и количестве фаз.

Советский Союз будет поставлять Гане современное оборудование для промышленных объектов, и Марат должен дать заключение о том, какие типы его наиболее приемлемы для разных районов страны, как лучше всего сочетать нашу помощь с местными ресурсами Ганы, с ее планами на ближайшие годы.

И это весьма непростая задача.

Природа щедро одарила Гану, но обделила одним — топливом, энергией. Ни угля, ни нефти не найдено в недрах страны. Гану терзает энергетический голод. Раньше, всего несколько лет назад, это обстоятельство мало смущало тогдашних хозяев страны. Оно даже до какой-то степени оправдывало ту уродливую однобокость, которой до сих пор характеризуется ганская экономика. «Нет источников энергии — нет возможности перерабатывать на месте богатства страны — страна становится поставщиком сырья». Крупнейший в мире производитель какао ввозит не только шоколад, но и порошок какао; марганец и бокситы вывозятся в виде руды, а на алюминиевых кастрюлях стоит клеймо «сделано в Англии». Громадные бревна целиком сплавляются к пароходам. И все, буквально все до булавок, ввозится в страну из-за границы, большей частью из Англии.

Однако то, что было выгодно англичанам, — отсталость, подчиненность экономики Ганы — оказалось одним из главных врагов молодой страны сразу же после того, как она добилась независимости.

Необходимо быстро развивать промышленность — никто в Гане не сомневается в этом. Но как быть с энергией? В самом ли деле положение безнадежно?

Нет. Давно известны большие энергетические возможности ганских рек и в первую очередь Вольты, одной из крупнейших рек Африки. Реки текут на юг, к океану, точно так же, как текли тысячу лет назад, не перерезанные ножами плотин, ожидая того дня, когда к ним обратятся люди.

В городах Ганы горят электрические лампы. На рудниках и первых фабриках гудят электромоторы. Но все электростанции работают на привозном топливе. До последней капли мазута — все привозится морем, за все надо дорого платить. И если в один несчастный день танкеры не придут в порты — жизнь в стране замрет. Погаснут лампы в школах и больницах, остановятся заводы, рудники...

Это еще не все. Электростанции в Гане строились как бог на душу положит, в разное время, разными людьми, и везде устанавливалось самое разномастное оборудование. Машины ненадежны и часто выходят из строя. А выбросить их пока нельзя. Где-то я читал о большой семье с несколькими сыновьями-погодками. Когда младший брат шел в школу, ему доставался по наследству портфель старшего. Так портфель и переходил до самого младшего, старея с каждым годом. Семья была небогатой, и новый портфель покупался только старшекласснику. Примерно то же в Гане. Если центральное электроуправление раздобыло новое оборудование — оно достается большим городам. А старые машины уходят в области — там и таких нет.

Может быть, частично поэтому ганские электрики, разговаривая с Маратом, показывая ему, чем богаты, не тратят много времени на демонстрацию оборудования. Но они и не жалуются на тяжелую жизнь — ведь понятно, что сегодняшний день Ганы — это уже вчерашний день.

Поэтому же, когда Марат осмотрит генераторы, обсудит местные, специфические проблемы со своим коллегой, разговор неизбежно переходит на будущее.

на те дни, когда над страной протянутся линии электропередач и электричество придет в самые далекие деревни саванны. Казалось бы, разговор сугубо технический, но он вполне понятен окружающим. Хотя бы в силу своей страстности, актуальности.

Жизнеспособность страны определяется тем объемом, который занимает во всех делах и разговорах перспектива. Это приятное и знакомое нам по нашей действительности явление, когда человек говорит не только: у нас есть то-то и то-то, а добавляет обязательно: здесь у нас будет завод, электростанция или театр, очень явственно чувствуется в Гане. Это роднит ганцев с нашими людьми, это один из тех китов взаимопонимания, на которых зиждется дружба.

И поэтому Марат, как и другие советские специалисты, понятен ганцам, так же как и ему понятны их мысли и стремления. Ему легко работать с африканцами хотя бы потому, что не надо приспособляться, подавлять что-то в себе. Он остается тем же Маратом, советским электриком, которого я знаю по Москве. И люди видят в нем не только коллегу, не только одного из европейцев, который приехал по контракту или по заданию фирмы. Часто английский или итальянский специалист работает добросовестно, выполняет все, что велит ему выполнить долг специалиста, но он не может понять настроений ганских инженеров и не может разделить эти настроения. У Марата же отношение к работе, чувство перспективы впитано с первых шагов его сознательной жизни. И потому дружба и понимание между ним и ганцами возникают быстро и естественно. Никаким расовым или национальным предрассудкам просто нет места в сознании Марата. И это тоже понятно ганцам.

Нам пора покидать болгатангскую электростанцию, нас ждут на строительстве нового госпиталя — страна строится, растет буквально на глазах. Марат уже собрался попрощаться со своим новым приятелем, как из старого здания электростанции донесся треск и затем наступила тишина. Что-то случилось. Как по мановению волшебной палочки Марат и элек-

трик исчезают в черной пасти машинного зала. Через минуту Марат выскакивает. Он щурится от ослепительного света и, увидев нас в тени мангового дерева, кричит:

— Всего десять минут. Подождите. Надо помочь, а то могут надолго встать.

— А ты разберешься?

— Учили. Вместе справимся.

БОЛЬШОЕ КОЛЬЦО

Есть у Марата и постоянный собеседник. Он похож на слишком загорелого запорожца. У него густые буденновские усы и озорные глаза в таких мохнатых ресницах, будто растут они в несколько рядов. Собеседника зовут Абака-Вуд, он главный инженер Управления электроснабжения. Из окна кабинета Абака-Вуда виден океан, он заштрихован ветвями деревьев, и между ними висят серые кораблики.

Марат обсуждает с Абака-Вудом технические условия. Нет смысла привезти в Москву решения, которые могут оказаться неприемлемыми для ганцев. Обсуждаются итоги того, что мы узнали и увидели, объехав Гану, обсуждаются придирчиво, пункт за пунктом. Оба понимают серьезность вопроса, оба симпатизируют друг другу, но переговоры, как им и положено, порой приводят к спорам.

— Нет, но зачем же здесь ставить медь? Сталь куда экономичнее,— горячится Марат. Так же, навер-

но, он отстаивает свою точку зрения на совещании дома, в Москве.

— Пятьдесят лет здесь ставят медь, у нее ведь выше проводимость...

Никакой дипломатической осторожности. Обоих волнует только один вопрос — что лучше для Ганы. Иногда электрики, вырывая друг у друга листок бумаги, быстро чертят олимпийские кольца трансформаторов и дельты кабельных муфт.

Разные школы, разные точки зрения. Но споры оканчиваются всегда одинаково. Они откладывают листочки и обрадованно улыбаются. Понятно. Теперь можно перейти к следующему пункту.

Электрики с первой встречи оценили знания друг друга, и в каждом самом жарком споре чувствуется взаимное уважение этих до удивления разных по внешности людей.

У Абака-Вуда разговор о будущем принимает конкретные формы. Однажды он достает из ящика стола небольшую карту страны.

— Вам, паверно, интересно будет взглянуть. Завтра будем обсуждать на Комитете.

На карте голстые линии. Они образуют что-то вроде неправильного треугольника.

— Это Большое Кольцо. Через несколько лет у нас будет Большое Кольцо, общая энергосистема.

Вспомните, Гана на карте — почти правильный прямоугольник, вытянутый с севера на юг. Южная граница — Гвинейский залив.

И кажется, что океан притягивает к себе важнейшие, самые богатые части Ганы. Почти все ресурсы и большая часть населения сконцентрированы на побережье и в лесном поясе, то есть в южной половине республики.

Не говоря уже о рыболовстве и портах (естественно, что их место на побережье), практически все полезные ископаемые, какао, лес — все находится в квадрате между Черной Вольтой, которая отделяет Северную Гану от Южной, и океаном.

В этом же квадрате находятся основные запасы электроэнергии. И Большое Кольцо свяжет линиями

электропередач главные промышленные, сельскохозяйственные и культурные центры страны.

Крупнейшим из поставщиков энергии будет гидроэлектростанция в Акосомбо. Кольцо также включит в общую систему существующие электростанции в Теме и Аккре и проектируемые гидроэлектростанции на малых реках запада, где ведут изыскательские работы чехословацкие энергетики.

От электростанции на Акосомбо ток пойдет к алюминиевому комбинату, который будет строиться параллельно с гидроэлектростанцией, оттуда дальше на юг, к новому порту Tema, где идет строительство большого города и нескольких заводов, потом повернет на запад, к столице, принесет энергию в прибрежные рыбацкие поселки, к фабрикам Такоради, а оттуда повернет на север, в непроходимые леса страны Ашанти, к приискам и рудникам, к плантациям какао и каучука, чтобы вернуться обратно, к Акосомбо, на берега обширного водохранилища, которое образуется после окончания строительства.

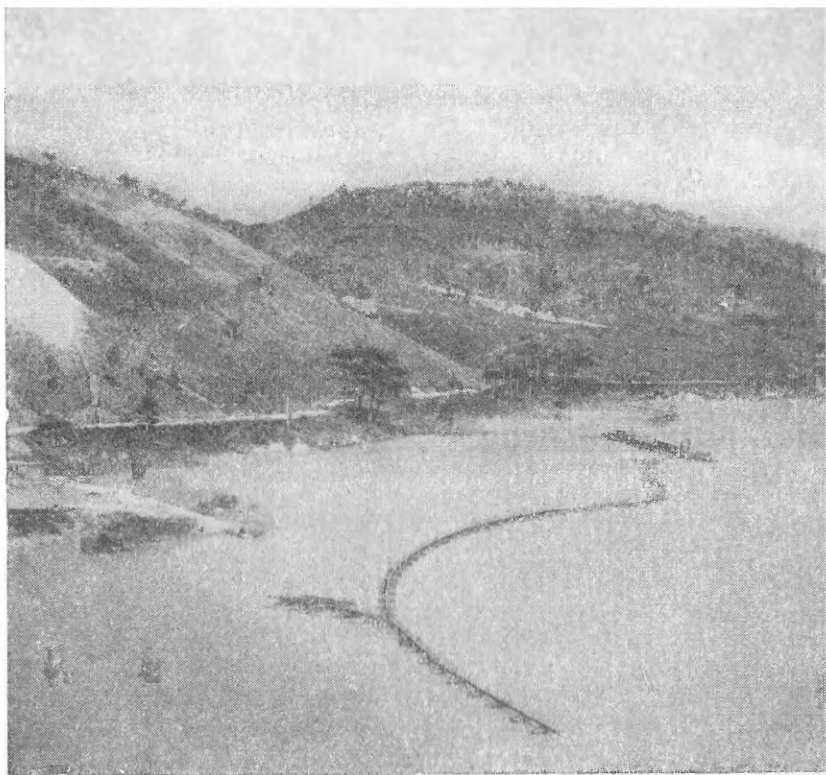
Когда этот смелый план будет проведен в жизнь, Гана совершит качественный скачок к дальнейшей индустриализации, повысится уровень жизни. Широкие возможности откроются перед ганской экономикой. Страна, страдающая острым энергетическим голодом, сможет делиться электроэнергией с соседними африканскими государствами, сможет помочь им развивать национальную промышленность.

О Большом Кольце говорится не только в Управлении электроснабжения. Не раз приходилось нам слышать от ганцев:

— Вот когда будут гидроэлектростанции...

Тогда можно будет наладить обработку сырья на месте, тогда куда проще и дешевле станет создавать новые заводы и фермы, особенно те, что потребуют много энергии, — аффинажный завод, который будет строиться с помощью советских специалистов, алюминиевый комбинат...

Но часто разговор о будущих гидроэлектростанциях заканчивался непонятными для непосвященного словами:

Начинаются работы на строительстве гидростанции в Акосомбо

— Если они только выполнят свои обещания.

Название небольшой деревни в Гане. И это название, не известное несколько лет назад никому, кроме жителей тех мест, повторялось в конце прошлого года по всей стране.

— Если они выполнят свои обещания...

Еще сорок лет назад геологи обратили внимание на район, в котором теперь строится первая из гидростанций. Здесь скалистые холмы сжимают русло реки, заставляя ее повернуть под прямым углом. Полноводная мутная Вольта ускоряет свое течение, стремясь снова вырваться на свободу.

В 1952 году, незадолго до освобождения Ганы, велись долгие переговоры с английскими алюминиевыми компаниями о том, чтобы построить здесь плотину и гидроэлектростанцию. Но разговоры так и остались разговорами. И только после достижения независимости, когда перед молодой страной вопрос дальнейшего развития встал во всей остроте, начались серьезные исследования в этом районе.

Наконец года два назад проект был в общих чертах разработан. Решено было воздвигнуть плотину высотой более ста метров и электростанцию мощностью около восьмисот тысяч киловатт. Это невиданные масштабы для Черной Африки, а тем более для Ганы — мощность всех ее электростанций едва достигает ста тысяч киловатт. Кроме того, плотина создаст громадное водохранилище длиной почти в пятьсот километров, резервуар, который даст воду страдающей от жажды саванне. Уже не говоря о Большом Кольце, гидроэлектростанция обеспечит ток один из крупнейших в мире алюминиевых комбинатов и послужит основой развития промышленности Южной Ганы.

Для того чтобы построить плотину и электростанцию, необходимы 70 миллионов фунтов стерлингов. Сумма, которую Гане не поднять сразу. И ганское правительство обратилось к другим странам с просьбой отпустить кредит — половину необходимых средств. Половину Гана обеспечивает сама. Переговоры о помощи в строительстве плотины у Акосомбо велись с Англией, с США и Международным банком реконструкции и развития. Все три стороны согласились предоставить средства. Правда, Англия выделила в десять раз меньшую сумму, чем обещала во время переговоров до достижения Ганой независимости, но недостающие средства нашлись в Банке и у американского правительства. Чтобы не было недопонимания, нужно с самого начала сказать, что Гана не просила подарков, — все средства она обязалась возместить в будущем, причем с весьма основательными процентами.

Американская печать много писала о том, что США искренне помогают слаборазвитым странам Аф-

рики, представители правительства США указывали на Гану как на пример своего бескорыстия. Новый президент США с готовностью подтвердил согласие правительства на выделение средств. Все шло гладко, и Гана, заключив первые контракты со строительными фирмами, начала работы на площадке в Акосомбо.

И тут произошли события, которые резко изменили обстановку

Подошел к концу медовый месяц либеральных настроений в американском правительстве, и Кеннеди выступил 4 сентября 1961 года с заявлением, в котором недвусмысленно говорилось, что «при распределении финансовой помощи иностранным государствам следует уделить особое внимание и предпочтение тем нациям, которые разделяют точку зрения США по международным проблемам». Другими словами, если не хочешь потерять самостоятельность и перейти в прямое подчинение США, никакой помощи ждать тебе не приходится.

Ганское правительство, однако, не испугалось, не пожелало понять намек и немедленно после заявления Кеннеди решило принять участие в конференции неприсоединившихся государств. Речь Кваме Нкрумы на этой конференции не оставляла никаких сомнений в том, что Гана не собирается изменять свою миролюбивую политику.

И тогда последовали санкции. Вернее, не последовало того, что должно было последовать. Подписание договора о финансовой помощи на строительство плотины и гидроэлектростанции, которое было намечено на 5 октября 1961 года, не состоялось. Оказалось, что американцы чего-то недоизучили, им надо прислать еще одну комиссию и вообще надо подумать, целесообразно ли строить плотину.

Кваме Нкрума в октябре направил письмо президенту США с просьбой сообщить, намерено ли американское правительство сдержать свое обещание.

И в США начались метания. Давать или не давать? Держать обещание или не держать?

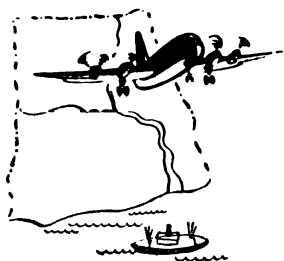
В самой Америке не было единогласия по этому вопросу. Крупные компании заинтересованы в строи-

тельстве, так как извлекают из этого определенные прибыли. В правительстве наиболее рассудительные люди понимали, к каким невыгодным в политическом отношении последствиям может привести подобный отказ. В памяти их сохранился неприятный для США казус с Асуанской плотиной. Однако много было и таких, которые считали, что необходимо Гану «прочитать» и что отказ послужит уроком для других непокорных стран Африки и Азии. Дело со строительством на Вольте приобрело тем временем широкую огласку во всем мире. И эта огласка не прибавила популярности американской политике. Крупные газеты США забили отбой. Характерно высказывание «Нью-Йорк таймс», сделанное в самый разгар метаний и колебаний Белого дома: «Ганцы и другие африканцы рассматривают строительство электростанции на Вольте как пробный камень. Он покажет, говорят они, насколько были искренни западные державы, провозглашая желание, чтобы африканцы добились как экономической, так и политической независимости».

И в конце концов в начале 1962 года США пошли на попятный. Соглашение было подписано, внешне все как будто урегулировано. Но никто не забыл того, что произошло. За несколько месяцев американцы основательно подорвали те остатки иллюзий, которые еще оставались в Гане. Слово — не воробей...

— Наше счастье, что существует Советский Союз,— сказал представитель администрации на строительстве Акосомбо, когда показывал нам строительную площадку. — Мы же понимаем, что они дали нам деньги не потому, что любят нас. Просто знали, что вы придете нам на помощь, если будет трудно.

Внизу, у подножия холма, на котором мы стоим, коричневая вода Вольты. Если приглядеться, увидишь, как на другом берегу первые дороги прорезали нитями заросшие склоны холмов. Жуками ползут самосвалы. Пока их еще мало. Длинной змеей застыл на глянцевой воде землесос. Жарко, очень жарко. и облака, которые тают, приближаясь к солнцу, успевают огрядеть излучину реки, где рождается будущее Ганы. Акосомбо все-таки начинает строиться.

ДО СВИДАНИЯ, ГАНА

Мы собрались в последний раз в кабинете Энгманна. Согласованы и подписаны технические условия. Все теплые слова сказаны, мы обменялись адресами и записали названия книг, которые нас просили прислать. Через несколько дней уезжаем из Ганы.

— Значит, телефон мой у вас есть,— повторяет Марат.— Как приедете, с аэродрома звоните. А еще лучше, если пришлете телеграмму, тогда я к самолету шубу привезу.

— Обязательно пришлю,— заверяет Энгманн.— Я, честное слово, очень рад тому, что с вами познакомился. Мы еще поработаем вместе. А в Москву постараюсь приехать летом, чтобы не утруждать друзей. К тому же я в шубе буду не очень подвижен.

Над нами висит большая карта Ганы. Теперь мы смотрим на нее не так, как в первые дни. За названиями городов и рек мы видим знакомые улицы и зеленые откосы берегов. Взгляд скользит по черным линиям дорог. Вот дорога идет по побережью, мимо деревни, где живет наш «земляк», мимо португальской крепости Эльмины и десятков других крепостей. Вот и порт Такоради, где работает мистер Смит. А дальше дорога уходит в лес, туда, к западной границе, в «лесное царство» концессий и лесопилок. А другая черная полоска бежит к северу, к лунным кратерам алмазных разработок, мимо шахтерских городков, в гордую страну Ашанти, к университету. И оттуда наверх, на север, мимо высоких термитников, к Тамале и знойной Болгатанге, где работают маленький цейлонец и энтузиасты-электрики.

И все-таки, уезжая из Ганы, мы чувствуем, что знаем о ней до удивления мало. Вот мы сейчас прощаемся с Энгманном, одним из самых хорошо знакомых нам людей в стране. А много ли мы знаем о нем?

Слишком короткое пребывание в Гане сказалось и на этой книжке — получились разрозненные картинки из жизни страны, не более. Так их и нужно рассматривать.

И я думаю, что у Энгманна не будет возражений против общей концепции этих очерков.

Нам пора уходить. Мы поднимаемся, прощаемся с Энгманном. Памятью о нас на столе остается маленький серебряный спутник, летящий над земным шаром. До встречи в Москве!

В дверях сталкиваемся с Файорси. Он так и не увиделся с нами в Болгатанге. Он выражает искреннюю радость по поводу встречи.

— Я так сожалею, что не смог вас застать на севере. Меня задержали дела. Ну хорошо, еще увидимся. Тут у меня есть надежда получить подряд.

И он скрывается за дверью.

— Не корысти ради,— тихо говорит вслед ему Марат.

А внизу, у входа, нас ждет Менса. Он написал письмо в Москву, нашим специалистам-сельскохозяйственникам, с которыми работал.

— Скажите им, что мы их помним. Пусть приезжают. Счастливого пути. Я поступаю на вечерние курсы. Надо учиться.

Менсу не интересуют выгодные подряды.

У подъезда останавливается черный мерседес. Из него сначала выносят зонт, желтый, громадный, потом в тень его вылезает толстый вождь. Ему тоже что-то нужно в Управлении. Менса неделикатно отворачивается. Он не любит вождей. У него с ними какие-то свои счета.

В открытое окно видна архитектурная мастерская. Девушка склонилась над доской с перспективой нового жилого района.

Менса протягивает нам руку.

Что ж, пора ехать.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ

Как это начиналось	9
О знакомом	16
Почему Гана?	23
Дорога на Запад	28
Ночные разговоры	36
Шкаф красного дерева	45

АШАНТИ

Исторические ошибки	59
Самое ценное	66
Кумаси ночью	70
Кумаси днем	76
Новый знакомый	82

СЕВЕР

Миссионеры и муха цеце	93
Менса	101
О здоровье	106
Люди белое золото	116
Большое кольцо	120
До свидания, Гана	127

Игорь Всеволодович Можойко

ЭТО — ГАНА

*Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом восточноведной литературы
при Отделении исторических наук АН СССР*

Редактор издательства *О. С. Ривкина* Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина* Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 4/VIII 1962 г. Подписано к печати 25/IX 1962 г. А-09067
Формат 84X108/32. Печ. л. 4. Усл. п. л. 6,56. Уч. изд. л. 5,94.
Тираж 25000 экз. Заказ № 1096. Цена 25 коп.

Издательство восточной литературы, Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 25 коп.

изд